

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

САМЫЕ
КРАСИВЫЕ ПАРЫ
СОВЕТСКОГО КИНО

Федор Ибатович Раззаков

Самые красивые пары советского кино

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11309938
Самые красивые пары советского кино / Федор Раззаков: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82764-0

Аннотация

Александр Абдулов и Ирина Алферова, Евгений Жариков и Наталья Гвоздиков, Леонид Филатов и Нина Шацкая, Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк... Их было не так уж много в советском кинематографе – этих красивейших супружеских пар! Но как ими восхищались миллионы любителей отечественного кино! Как старались им подражать, быть на них похожими. Как клеили на стены, словно иконы, фотографии этих почти что сказочных семейных пар, чтобы всегда быть рядом с ними, любоваться ими, находить защиту и покровительство в свете их божественной любви и красоты. Казалось, что у таких безупречно красивых и талантливых людей и семейная жизнь красива и безупречна. И потому как недоразумение, как нелепую ошибку страна воспринимала сообщения о разводах, изменах и драмах в тех лучезарных небесных семьях. Но жизнь есть жизнь, и вопреки надеждам миллионов семейные драмы и скандалы не обходили стороной и всеобщих любимцев. Звездные пары распадались. Кто-то развелся. Кого-то навеки разлучили обстоятельства. А кто-то и поныне живет вместе и счастливо...

Содержание

Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева	5
Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк	18
Олег Табаков и Марина Зудина	31
Владимир Басов и Валентина Титова	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Федор Раззаков

Самые красивые пары советского кино

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: Виталий Арутюнов, Анатолий Гаранин, Борис Кауфман, Михаил Озерский, Валерий Плотников, Георгий Тер-Ованесов, Владимир Федоренко, Михаил Филимонов, Екатерина Чеснокова, Б. Виленкин, А. Ковтун, В. Нисанов, Шахвердиев / РИА Новости;

Сергей Бертов / Интерпресс / Фото ИТАР-ТАСС; Алексей и Николай Агеевы, Владимир Завьялов / Фото ИТАР-ТАСС;

кадр из фильма «Сережа», реж. Г. Данелия, И. Таланкин

© Киноконцерн «Мосфильм», 1960 г.

© Раззаков Ф. И., 2015

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадр из фильма)

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева *Отелло, не убивший Дездемону*

Эта звездная пара блистала на небосклоне советского кинематографа почти 40 лет и оставила на нем ярчайший след. Причем не только творческий. Сегодня, когда так обострились отношения России и Украины, именно судьба этой пары наглядно демонстрирует нам, что в стране, которая называлась СССР, российско-украинские связи были настолько тесно переплетены, что это давало поразительный результат во многих сферах жизни, в том числе и в культурной. В паре, о которой идет речь, один ее представитель был выходцем с Украины – из села Белозёрка ныне Херсонской области (С. Бондарчук), а другой из России – из Тулы (И. Скобцева). Они шли навстречу друг другу весьма замысловатыми путями, пережив череду неудачных семейных союзов, которые, видимо, были посланы им для того, чтобы они набрались нужного опыта и уже в собственном браке не повторили ошибок предыдущих.

Сергей Бондарчук (1920) в первый раз серьезно влюбился в 19-летнем возрасте: это произошло за два года до войны, когда наш герой учился в театральном училище в Ростове-на-Дону. Он полюбил свою ровесницу – дочь прокурора Евгению, которая родила ему сына Алексея. Однако пожениться молодые люди не успели: началась война, и Бондарчук ушел на фронт. В 1946 году он демобилизовался, однако в Ростов#на-Дону не вернулся, а отправился в Москву, где поступил во ВГИК, на курс к Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой. Именно там он встретил свою будущую вторую жену – студентку Инну Макарову (1926). Она вспоминает:

«Однажды осенним днем 1945 года в аудитории появился смуглый, черноволосый, похожий на цыгана парень в военной гимнастерке и осторожно, чтобы не мешать, сел на свободный стул. Мы репетировали «Идиота», я играла Настасью Филипповну и была так поглощена процессом, что почти не обратила на новичка внимания – лишь краем глаза зацепила и все. Это был Сергей Бондарчук.

Своим появлением он перебудоражил весь институт. Была в Бондарчуке какая-то магия, которую я поначалу не замечала. Летала по ВГИКу в эйфории. Война закончилась! Вся жизнь впереди! К тому же после того как прочитала однажды на занятиях по актерскому мастерству «сон Пети Ростова», Сергей Аполлинариевич сказал притихшему курсу: «Всему можно научиться, а ЭТО надо иметь». Видимо, Мастер увидел во мне не просто способности.

Почему Сергей именно на меня обратил внимание, сказать не берусь, но это внимание мне льстило. Как же! Бондарчук – объект восхищения всего ВГИКа, старше меня на шесть лет, еще до войны работал в театре, был звездой театрального училища в Ростове-на-Дону, но, оставив и учебу и сцену, ушел на фронт! Обычно, когда мы встречались возле института – репетиции заканчивались только к одиннадцати вечера, Сергей первым делом доставал из кармана черный карандаш и подрисовывал мне брови. Для роли Настасьи Филипповны их выщипали, что Бондарчуку категорически не нравилось. Потом мы садились в трамвай и ехали через пол-Москвы, а выйдя на конечной остановке, еще долго-долго шли пешком – дом, в котором я снимала угол, находился рядом с заводом «Серп и Молот». Добирались до места глубокой ночью. Сергей целовал меня в щеку, смотрел, как скрываюсь за дверью подъезда, – и отправлялся на другой конец города к знакомым, у которых в ту пору жил.

Во время долгих провожаний каждый из нас поведал другому всю свою предшествующую жизнь. Сергей рассказал, что до войны был женат на однокурснице по театральному училищу в Ростове-на-Дону. Жили вместе они недолго, и во время одной из ссор Евгения

на глазах мужа порвала свидетельство о браке, объявив, что с этой минуты они оба могут считать себя свободными. О разрыве Бондарчук мне рассказал, а вот о том, что осенью 1945#го Евгения приезжала к нему в Москву, умолчал...»

Бывшая супруга Бондарчука приехала к нему незадолго до того, как он начал ухаживать за Макаровой. Женщина появилась на пороге квартиры приютивших Бондарчука друзей без предупреждения, но с полной сумкой продуктов и несколькими бутылками вина. Она провела с Бондарчуком всего одну ночь, но этого хватило, чтобы гостя... забеременела. И спустя несколько месяцев прислала Бондарчуку телеграмму: «У тебя родился сын». А он уже начал встречаться с Макаровой. Что делать? Не в силах разрешить эту дилемму в одиночку, он показал депешу Инне. А та вдруг заявила: «Надо послать ответную телеграмму с поздравлениями!» «Зачем?» – удивился Бондарчук. И услышал в ответ: «Зачем, зачем... У нее же молоко может пропасть!»

Бондарчук так и сделал, пораженный взрослой рассудительностью своей 20#летней возлюбленной.

Спустя некоторое время их однокурсница Таня Лиознова нашла Инне комнату в своем доме недалеко от Рижского вокзала. И Бондарчук стал приходить туда чуть ли не каждый день, и они часами... часами стояли на лестничной площадке и беседовали. К себе Инна кавалера не пускала – она считала это неприличным! Однако на курсе все прекрасно знали и видели, что Бондарчук от Макаровой ни на шаг не отходит, поэтому под праздник 8 Марта выдали один продуктовый паек на двоих. Все полагали, что они уже живут друг с другом как муж и жена, хотя это было не так.

Сергей тогда жил во дворе дома, где размещалось Госкино, в сторожке, которая не отапливалась. И вот однажды после репетиции поздно вечером они вдвоем пришли туда и, не снимая пальто, сели за стол, вскрыли паек. Потом хозяин жилища уложил гостью на узкую железную кровать, и она сразу провалилась в сон. Спустя какое-то время проснулась и увидела, что ее возлюбленный сидит рядом на стуле и смотрит на нее. Потом тихо говорит: «Подвинься». Когда он улегся рядом, они обнялись и... заснули как два голубка. А близость между ними произошла чуть позже – перед самым отъездом на съемки «Молодой гвардии» в Краснодар. На календаре была весна 1947 года. Вспоминает И. Макарова:

«Мы впервые отправились к Сережиному другу за город с ночевкой. Встретились на площади Маяковского, Бондарчук стоял у метро в белой рубашке, с цветами, которые своровал с какой-то клумбы, – чтобы купить букет, денег не было. Я очень волновалась, словно предчувствовала, чем эта поездка обернется.

Нас, даже не спросив, поселили в одной комнате. После этой ночи мы уже не расставались...»

В фильме своего учителя Сергея Герасимова «Молодая гвардия» (1948) Бондарчук и Макарова сыграли свои первые роли в кино: он – большевика-подпольщика Валько, она – Любку Шевцову. Причем на съемках они поселились в одной хате, хотя официально еще не были расписаны.

Однажды мама настоящей Любы Шевцовой, у которой Макарова брала консультации – Ефросинья Мироновна – попросила познакомить ее с Бондарчуком. Ей хотелось посмотреть на будущего мужа Инны. А когда ее желание исполнилось, вынесла свое резюме: «Не ходи за него. Я эту казачью породу знаю. Черный, неласковый, но от баб все равно отбою не будет. Намучаешься...»

Макарова сильно удивилась этим словам, поскольку знала Бондарчука совсем с иной стороны. Он-то ей казался самым ласковым человеком на свете, поскольку нянчился с ней как с малым ребенком. Поэтому слова Ефросиньи Мироновны она пропустила мимо ушей.

Тем временем Бондарчук в один из вечеров написал письмо матери своей невесты, где писал следующее: «Анна Ивановна! Мне очень хотелось бы увидеть Вас, но сейчас,

ввиду многих обстоятельств, это невозможно. Приходится прибегать к письму. При моем неумении писать письма очень трудно выразить на бумаге то, что меня сейчас волнует. Боюсь, что слова окажутся холодными, малоговорящими. При встрече надеюсь восполнить нескладность этого письма «умной» и пылкой речью. Анна Ивановна, я люблю Вашу дочь, хочу всегда быть с ней, быть ее другом и мужем. Благословите и пожелайте счастья в нашей жизни и работе, трудной, большой и светлой жизни честных тружеников».

Когда Анна Ивановна получила это послание, она вовсе не обрадовалась. И вскоре прислала дочери ответное письмо со словами: «... Ты рискуешь испортить этим преждевременным замужеством свое будущее, свой творческий путь, так хорошо начатый. Бабушка без слез не может о тебе говорить, воспринимает все как несчастье... Ах Инна, Инна, маленькая моя, что-то тебя ждет в жизни. Потом я смирюсь, а сейчас мне так тебя жалко, так ты еще молода...»

Но и этот наказ Макарова оставила без внимания, вся поглощенная своими чувствами к Бондарчуку. И тогда мама решила навестить дочку – она приехала в Краснодар. И что же? Вот как об этом вспоминает И. Макарова:

«И надо же такому случиться, что именно в это утро в местечко, где шли съемки эпизодов с участием Бондарчука, шел грузовичок. А мы не виделись целых два дня! И вот я оставляю маму, с которой едва успела перемолвиться парой слов, на попечение квартирной хозяйки, а сама мчусь к Сереже. Грузовик останавливается у подножия холма, за которым идут съемки. Услышав звук клаксона, Сергей бежит на вершину со своей стороны, я – со своей. Он – небритый, в рваной фуфайке и тяжелых грязных сапогах, я – в светлом платье, с развевающимися по ветру волосами. Бежим, вытянув вперед руки, а встретившись, обнимаемся крепко-крепко и стоим так несколько минут. Ставший свидетелем нашей встречи Герасимов потом, смеясь, скажет: «Неслись друг к другу, как два гуся влюбленных!»...»

Когда вечерами, после тяжелых съемок, влюбленные лежали на кровати, они только и делали, что мечтали о том, как счастливо они заживут, когда вернутся в Москву. Прижимая к себе Инну, Бондарчук шептал ей: «Девочка моя родная, как же я тебя люблю! Ближе, чем ты, у меня никого не было и никогда не будет...»

Однако по возвращении в Москву молодых ждала кочевая жизнь: иногда их пускал к себе домой кто-то из друзей, иногда, проскользнув мимо сторожа, они спали на реквизите во вгиковской мастерской. А потом в течение нескольких месяцев они жили в сторожке, сколоченной из грубых досок, в районе Рижского вокзала. Однако весной 1948 года сторожку снесли, и они опять стали скитаться по чужим углам. Скитались до тех пор, пока не нашли ту самую комнату в полуподвале на Садовой-Триумфальной, где их застал триумф «Молодой гвардии». Первая серия фильма вышла на экраны страны 18 октября, а вторая – 25 октября 1948 года.

Молодые в ту пору жили в крохотной комнатке в коммунальной полуподвальной квартире. Из мебели там были лишь табуретки, столик, кровать и железная печка. Самое ужасное – в этом доме водились крысы, которые сновали по комнатам даже днем. Именно в этом «шалаше» молодых и застал выход на экраны «Молодой гвардии». Тогда же они узнали, что стали лауреатами Сталинской премии. Эти деньги супруги поделили между собой, и Макарова на свою сумму купила в ЦУМе шубу из венгерской цигейки (жуткий дефицит по тем временам).

Бондарчук еще в Краснодаре настаивал на том, чтобы они расписались, но Макарова тянула. Она не понимала, зачем спешить с регистрацией, если все и так про нас все знают. Их педагог, Тамара Федоровна Макарова, еще в Краснодаре прислала им письмо, в котором были такие строки: «Я рада и искренно поздравляю Инну и Сережу с браком – помните, мои дорогие, все постепенно проходит – но дружба на творческой основе остается навсегда!

Вы достойны друг друга. И берегите свои отношения – это очень нужно, чтобы жить долго вместе».

Был у Макаровой и второй аргумент против похода в ЗАГС – отсутствие паспорта. Его ей заменяло временное удостоверение, с которым еще в 1943#м она поехала поступать во ВГИК. Бумажный листок совсем истрепался на сгибах, и Бондарчук его постоянно «чинил», подклеивал. Чтобы получить паспорт, нужна была прописка, а для нее, в свою очередь, требовалось постоянное жилье – такового же у молодых не предвиделось, и они жили на съемных квартирах.

ВГИК они окончили в том же 1948 году и попали в труппу Театра-студии киноактера, где им дали по небольшой ставке. Но это было спасением, потому что в конце сороковых по всей стране снималось пять-шесть фильмов в год. Все деньги из бюджета страны шли на восстановление разрушенного войной хозяйства, а отсутствие советских фильмов на экранах страны заменяло трофейное кино – зарубежные картины.

Вспоминает И. Макарова: «Как-то направляюсь после очередной репетиции домой, а вахтер Театра-студии киноактера рапортует вслед:

– Тут ваш мальчик был, Бондарчук его забрал.

– Какой мальчик?

– Маленький.

Открываю дверь комнаты, а на тахте сидят Сережа и мальчуган двух лет. Оказалось, приехавшая из Ростова-на-Дону Женя оставила сына на вахте театра и куда-то исчезла. Алеша, который оказался очень похож на отца, мне понравился – смысленный и не плаксивый. Сразу пошел на руки и принялся с любопытством разглядывать. Я умыла малыша, накормила и уложила спать. Алешка прожил у нас несколько дней, и вдруг поздно вечером в комнату вваливается большая делегация во главе с Женей. Выглянувшая из-за ее спины активистка грозно рычит:

– Кто отец?! Где он?! А эта девчонка, – суровая тетка тычет в меня пальцем, – что здесь делает?!

– Вы что? – раздается чье-то предостерегающее шипение. – Это же Инна Макарова!

– Да? Ну ладно, пусть остается.

Через минуту выяснилось, что Евгения написала в разные инстанции жалобы: дескать, Бондарчук не желает знать родного сына, не платит денег на его содержание.

Я возмутилась:

– Что за глупости?! Сергей никогда не отказывался от Алеши, и если бы Евгения хоть раз обратилась за помощью, она бы ее получила. Может, кто-то объяснит, в чем состоит проблема?

– В том, что нужно подписать документы.

Сергей поставил подпись там, где показала «общественница», Женя забрала сына и уехала...»

В 49#м аварийный дом, в котором жили Бондарчук и Макарова, расселили, и молодым наконец досталось отдельное жилье – однокомнатная квартира на четвертом этаже в доме на Песчаной улице рядом с Всехсвятской церковью, неподалеку от метро «Сокол». Бондарчук находился тогда на съемках в Киеве в фильме «Тарас Шевченко», так Макарова специально поехала туда, чтобы лично показать ему ключ от собственной квартиры. Радость молодых была такой огромной, что, возможно, на этой почве Макарова забеременела. По ее словам:

«О беременности я сообщила Сереже в очередном письме и получила в ответ четыре листа сплошных восторгов. В конце стояло молящее: «Приезжай!!!» Но мне теперь было не до поездов и самолетов – в первую очередь следовало думать о будущем ребенке. Сам Сережа за девять месяцев смог прилететь всего раз, под новый, 1950 год. Буквально

на пару дней – продолжавшиеся съемки «Тараса Шевченко» требовали его постоянного присутствия на площадке. Последний эпизод был снят в конце апреля, за две недели до срока, который мне как дату родов определила акушерка. И Бондарчук тут же примчался в Москву. Девятого мая втроем: я, Сережа и прилетевшая из Новосибирска помогать мне ухаживать за малышом мама – отпраздновали пятилетие Победы, а утром следующего дня у меня начались схватки. Позвонили в «неотложку», однако по вызову приехала не обычная карета «скорой помощи», а автомобиль из «Кремлевки» – я и не знала, что как лауреат Сталинской премии прикреплена к этой больнице. Пока врачи поднимались в квартиру, Сергей обряжал меня в свое старое пальто – согласно народной примете, живот отправляющейся в роддом женщины никто из посторонних видеть не должен. Похожую на Колобка фигуру этот наряд, безусловно, скрыл, но выглядела я уморительно!

Сергей поехал со мной и таким тревожно-жалостливым взглядом провожал из приемного отделения в предродовое, что я чуть не расплакалась. Только меня уложили в палате на кровать, как все тело пронзила ужасная боль. Я заорала так, что у самой уши заложило. Чуть отпустило, слышу, в приемном – кутерьма. Кто-то дергает дверь и отчаянно басит, а женский голос протестует на высокой ноте: «Папаша, вам же сказали: туда нельзя! Немедленно прекратите рваться!»

Батюшки, да это же Сережкин бас! Что он там вытворяет? Через пару минут – очередной приступ дикой боли. Я опять в крик. И снова, будто эхо, грохот двери и голос мужа... Когда через несколько дней меня и Наташу будут выписывать из роддома, я спрошу приехавшего встречать нас новоиспеченного отца:

– Ты чего в родовую-то рвался? Неужели думал, что сможешь чем-то помочь?

Сергей смущенно ответит глаза:

– Да нет, конечно... Просто мне нужен был карандаш, чтоб номер телефона записать, а в приемном его не оказалось.

Будто это было только вчера, перед глазами встает картина: Бондарчук очень бережно, словно древнюю китайскую вазу, берет на руки кулек с крошечной дочкой и с выражением крайнего умиления на лице поднимает кружевной уголок...

Вскоре после появления Наташи на свет (10 мая 1950 года) мы с Бондарчуком стали наконец законными мужем и женой. Дочке был месяц-полтора, когда Сергея вызвали на съемки фильма «Кавалер Золотой Звезды». Не успел он добраться до места – станции Зеленчукская, что в Карачаево#Черкесии, – тут же прислал письмо с требованием, чтобы я немедленно приехала. Ответ «Сережа, как я могу? Как брошу ребенка?» его не устроил: «Приезжай с дочкой!» Легкое дело – отправиться с грудным ребенком в киноэкспедицию в горы! Но Сережа настаивал, и мама, наняв для Наташи кормилицу-армянку, меня отпустила. Я пробыла в Карачаево#Черкесии несколько дней. Муж носился со мной как с писаной торбой: перепознакомил со всей съемочной группой, а представляя режиссеру Райзману: «Это моя жена!» – чуть не задохнулся от гордости. Когда же Юлий, пожимая мне руку, сказал: «Вы такая беленькая, тоненькая – будто не из этой жизни...», Сергей за комплимент готов был, кажется, его расцеловать.

Сережа действительно по мне соскучился. А на вторую причину срочного вызова намекнул снимавшийся вместе с Бондарчуком Ваня Переверзев: дескать, ты даже не представляешь, как его, бедного, тут осаждают – со всех сторон атаки идут. Я и сама слышала летевшие вслед шепотки теток-актрис: «Бывает, поженятся, ребенка родят – и тут же разойдутся...» И до атак, и до пересудов мне не было никакого дела – я Сереже бесконечно верила...

Между тем, когда бывшая возлюбленная Бондарчука узнала, что отец ее ребенка наконец женился (после того как они получили отдельное жилье), она предприняла все возможное, чтобы вернуть его. К тому времени Бондарчук был уже весьма известным человеком

(единственный из советских киноактеров, удостоенный звания народного артиста СССР в 32 (!) года после фильма «Тарас Шевченко»!), и женщина не собиралась так просто отпускать его от себя. Она подала на Бондарчука в суд, пытаясь доказать, что он не имел права жениться на другой женщине, поскольку до этого несколько лет жил с ней, и она от этой связи имеет несовершеннолетнего сына. Так как за спиной бывшей возлюбленной стоял папа-прокурор, суд вынес решение в ее пользу – брак Бондарчука с Макаровой был аннулирован. (Им потом пришлось трижды ездить в Ростов#на-Дону, чтобы уломать хитрую дамочку отозвать свое заявление из суда. Уговорили-таки, видимо, дав ей отступных.)

В первой половине 50#х карьера супругов в кино начала развиваться более активно. Правда, в этом деле первенство было за Бондарчуком. Если Макарова записала на свой счет всего три фильма («Сельский врач», 1951 – Баранова; «Возвращение Василия Бортникова», 1954 – Фроська Блинова; «Дело Румянцева», 1956 – Нонна Снегирева), то Бондарчук – восемь («Кавалер Золотой Звезды», 1951 – Сергей Тутаринов; «Тарас Шевченко», 1952, главная роль – Тарас Григорьевич Шевченко; «Адмирал Ушаков», 1953 – Тихон Прокофьев; «Корабли штурмуют бастионы», 1953 – Тихон Прокофьев; «Об этом забывать нельзя», 1955, главная роль – писатель Александр Гармаш; «Неоконченная повесть», 1955, главный конструктор Юрий Ершов; «Отелло», 1955, главная роль – Отелло; «Попрыгунья», 1956, главная роль – Осип Степаныч Дымов).

Из-за своей занятости на съемках Бондарчук иногда отсутствовал дома месяцами. Макарова тоже без дела не сидела – играла в театре, а также разъезжала по стране с концертами. Естественно, прочности семье такие длительные расставания не прибавляли. Что касается дочери, то ее воспитанием занималась в основном мама Макаровой.

В 1955 году Бондарчук снимался в фильме «Отелло» Сергея Юткевича. Натурные съемки проходили в Крыму, где у Бондарчука возник роман с 27#летней дебютанткой – красавицей Ириной Скобцовой (1927), которая играла роль Дездемоны. Ирония судьбы: в фильме Бондарчук в образе Отелло «задушил» свою любовницу Скобцеву-Дездемону, а в реальной жизни они проживут бок о бок почти 40 лет. Одним словом, это была судьбоносная встреча.

До того как стать актрисой, Скобцева училась в МГУ и считалась там одной из первых красавиц. Именно в университете она познакомилась с Алексеем Аджубеем (тем самым, который станет затем зятем Н. Хрущева) и стала его гражданской женой. В 1952 году молодые вместе подались в Школу-студию МХАТ, но во время учебы у них что-то не заладилось, и они расстались. Аджубей из студии ушел, а Скобцева осталась (она училась на одном курсе с И. Квашой, Г. Волчек и Л. Броневым). Когда в 1954 году Юткевич задумал снимать «Отелло», один из его ассистентов обнаружил в студии Скобцеву и пригласил ее на эпизодическую роль Бьянки. Однако режиссер утвердил ее на роль Дездемоны. Далее послушаем рассказ самой Ирины Скобцовой:

«С Сергеем Федоровичем Бондарчуком мы познакомились при обстоятельствах весьма романтических. Однажды я отдыхала в Доме творчества художников. И там очень известный тогда художник Ефанов, многократный лауреат Сталинских премий, сначала долго убеждал меня, что я похожа на главную героиню «Дамы с собачкой», а потом написал мой портрет. Я в то время окончила МГУ как искусствовед и училась уже в Школе-студии МХАТ. Вскоре у Ефанова состоялась выставка в Академии художеств, где он выставил и мой портрет. Ну, а в один прекрасный день пригласил туда и меня. Как сейчас помню: я вошла в зал, а перед моим портретом стоит... Сергей Бондарчук! Потом мы еще несколько раз встречались на Киностудии имени Горького, прежде чем совместная работа свела нас в «Отелло»...»

Пока муж снимался в Крыму, Макарова уехала на съемки в Болгарию, где снималась в фильме Дучо Мундрова и Николы Корабова «Димитровградцы» (фильм рассказывал о строителях Димитровграда – нового промышленного центра НРБ). Ни о чем плохом

она не думала, да и не могла думать – супруг буквально заваливал ее любовными посланиями из Крыма. По утрам кто-то из членов съемочной группы обязательно появлялся на площадке с конвертом и словами: «Макарова, опять твой Бондарчук пишет!» Дескать, сколько ж можно?! Она же отвечала: «Никто же не думал, что съемки так затянутся! Когда вы домой меня отпустите?»

Наконец ее отпустили. Только она приехала в Москву – звонок в дверь. На пороге актер Андрей Попов, с которым она лично не была знакома, но знала, что он снимается с ее мужем в «Отелло». Гость без предисловий начал уговаривать ее немедленно отправиться в Ялту: «Инна, Сергей тебя очень ждет! Прошу – бери билет и езжай!» Однако никуда Макарова не поехала, потому что очень соскучилась по маме и дочке.

Съемки «Отелло» в Крыму продолжались еще пару недель, после чего в Москву вернулся Бондарчук. В первый же вечер супруги отправились пешком на дачу, где заночевали во временке. Ни о какой Скобцевой речи тогда не заходило, как будто ее и не было. Но она существовала, и тайный роман с ней у Бондарчука продолжался. И чтобы быть с ней рядом, Бондарчук специально уговорил режиссера Тимофея Левчука с Киевской киностудии взять ее на роль Людовики Шанкевич в фильм «Иван Франко», где он сам играл главную роль. Съемки проходили в Киеве летом 1956 года. В тот самый момент Макарова снималась в той же Украине, но в Днепропетровске, в фильме «Высота».

Супруги снова писали друг другу письма, а потом Бондарчук приехал к жене на несколько дней. Съемочная группа жила в рабочем общежитии, где у Макаровой была отдельная комната. Бондарчук сдвинул две железные кровати, и невозможно жесткие металлические «ребра» оказались как раз посередине супружеского ложа. Но им такие неудобства казались полной ерундой. Далее послушаем рассказ самой И. Макаровой:

«Вскоре после того как я проводила Сергея в Киев, мой партнер по «Высоте» Коля Рыбников поехал на съемки картины «Рядом с нами». Вернувшись, доложил: «Все почему-то спрашивают о тебе и Сергее. Одна актриса, когда узнала, что Бондарчук только что уехал, спросила: «А зачем он приезжал?» Я удивился: «Как зачем? К жене!» Она в ответ как-то странно хмыкнула...»

Еще через день я встретила с актрисой МХАТа Татьяной Ленниковой (театр был в Днепропетровске на гастролях) и услышала те же вопросы:

- Как настроение? Где Сергей?
- Был несколько дней со мной, потом уехал на съемки.
- Да? А говорят, он женится...
- На ком же, интересно?
- На Скобцевой.

Очень трудно было не обращать внимания на подобные «откровения», но я говорила себе: «Этого не может быть! Сергеем дорога семья, он обожает дочку!» Наташа и впрямь была для него как свет в окошке. По вечерам Сергей ложился на тахту, сажал дочку себе на живот и читал вслух сказки. А та, как замороженная, слушала. А спектакль «Муха-Цокотуха», который Сережа поставил для Наташи, задействовав всех, даже мою маму?! Нет, убеждала я себя, у нас все хорошо, все по-прежнему – просто завистливые люди хотят вбить между нами клин.

В свой день рождения, 28 июля, как у нас было принято, я прилетела к мужу в Киев. У стойки портье случилась заминка: «Сейчас мы позвоним Сергею Федоровичу на студию, подождите, пожалуйста». Наконец дают ключ от его номера. Вхожу и вижу на столе остатки пиршества. «Странно, – думаю, – прежде Сергей в своем номере никогда междусобойчиков не устраивал и к моему приезду неизменно наводил порядок». Прохожу в спальню, ложусь на кровать и проваливаюсь в дрему. Вдруг слышу встревоженный голос Сережи: «Ты где?!

Ты где?!» Он вбегает в спальню, хватая меня на руки, прижимает к себе. Я упираюсь ему ладонями в грудь и, отстранившись, смотрю в глаза:

– Сереж, мне сказали, что ты женишься. Это правда?

В ответ Сергей хохочет и еще крепче прижимает меня к себе.

– А это что? – спрашиваю, показывая глазами на заставленный тарелками стол.

– Да тут вчера опять сабантуй был! – отвечает Сергей и, по-прежнему держа меня на руках, быстрыми широкими шагами меряет номер. И в интонациях его голоса, и в смехе мне слышится что-то натужное, неестественное.

О том, что в киевских съемках принимает участие его партнерша по «Отелло», сам Бондарчук так и не сказал – меня просветили коллеги...

В Москву мы с Сергеем, который перед отъездом в аэропорт купил мне в подарок золотое кольцо, возвращались вместе. Самолет попал в сильнейшую грозу – железную махину мотало и кидало из стороны в сторону. Сверкали молнии. Сергей всегда очень боялся грозы, а потому сидел, вжавшись в кресло. Потом вдруг расправил плечи и, положив свою ладонь на мою руку, сказал: «Ну вот, хоть умрем вместе». А я вдруг подумала о том, что вряд ли имею право винить мужа за связь на стороне. Молодому здоровому мужчине очень трудно по несколько месяцев обходиться без женщины. А женщины в послевоенные годы, когда мужчин не хватало, шли на все, чтобы устроить свою личную жизнь...

С этого момента в их дом стали регулярно приходить анонимки, где сообщалось, что Бондарчук изменяет своей жене. Об этих письмах Макарова ничего не говорила мужу, но затем точно такая же анонимка пришла на имя Бондарчука – в ней сообщалось, что у Макаровой был роман с одним из актеров на фильме «Высота». Муж потребовал объяснений. Макарова объяснила: в нашей группе не было актера с такой фамилией. Бондарчук позвонил на киностудию, и там подтвердили слова Макаровой. Впрочем, роли это уже не играло – семья трещала по швам.

Все разрешилось поздней весной 1957 года, когда Макарова собиралась в Ленинград на съемки фильма «Дорогой мой человек». Супруги были дома, сидели рядом на тахте, когда Инна произнесла: «Сережа, мы должны расстаться...» После чего... потеряла сознание. А когда она очнулась, то увидела, что муж стоит к ней спиной, опершись руками о стол, а его плечи ходят ходуном. Бондарчук рыдал. В день ее отъезда он сам отдал ей ключи от квартиры. И уехал жить не к Скобцевой, а к своим друзьям – супругам Анатолию Чемодурову и Кларе Румяновой. Там он пробыл несколько недель.

Летом того же года Макарова должна была отправиться на кинофестиваль в Карловых Варах с фильмом «Высота» (там он получит главный приз «Хрустальный глобус»). Перед отъездом актрису вызвали в ЦК КПСС на Старую площадь, где попросили... принять обратно Бондарчука. Макарова в ответ... заплакала. Но разговор тот так и закончился ничем – все осталось, как и прежде.

1 сентября Бондарчук повел свою дочь в первый класс один – Макарова была на съемках «Дорогого моего человека» в Ленинграде. Причем выглядела она блестяще – веселилась, дурачилась. По ее же словам: «Без Бондарчука было легче. Я могла спокойно работать, не задаваясь бесконечно вопросами: где сейчас Сергей?..

Мы разошлись без скандалов, криков и неприязни друг к другу. На разводе в суде меня спросили: «Почему вы так легко расстаетесь с мужем, ведь у вас ребенок?» Я ответила: «Это совсем не легко». Сказала вслух, при Сергее. Видимо, мое признание его покорило. Словом, его инициативой была наша женитьба, а моей – наш развод. Сказки о брошенной и несчастной жене – это не мой случай. Я воспитала дочь, вторично вышла замуж (за известного нейрохирурга Михаила Перельмана. – Ф. Р.), и карьера актерская у меня, думаю, тоже удалась».

От Макаровой Бондарчук ушел с одним чемоданчиком в руках. Он пришел к родителям Скобцевой и попросил пустить его жить. Те разрешили, хотя их дочь с Бондарчуком в браке тогда еще не состояла. Из дома родителей Ирины Бондарчук отправился на съемки фильма «Поединок», где Скобцева играла главную роль – Шурочку. Приехал без предупреждения и, явившись на съемочную площадку, попал akurat на съемки эпизода, где героиня Скобцевой целуется с главным героем, Романом (его роль играл актер Юрий Пузырев). Что было дальше, рассказывает Ирина Скобцева:

«Как мне потом досталось от Сережи! Он посчитал, что мы с Пузыревым были слишком «натуральны». Тогда я и поняла, что он очень ревнивый...»

Какое-то время Бондарчук и Скобцева жили гражданским браком, хотя Бондарчук уже был разведен с Макаровой. Но когда однажды их отказались выпустить вместе в Англию, поскольку они не расписаны (с фильмом «Отелло», который был удостоен призов в Каннах и Дамаске, причем в Каннах Скобцева получила приз за красоту, выиграв конкурс шарма у американской звезды Ким Новак), и Бондарчуку пришлось улететь одному, его терпение лопнуло. По возвращении, прямо с аэродрома, Бондарчук приехал к Скобцевой и повез ее в ЗАГС. Правда, перед регистрацией он поставил ей два условия: никогда не расставаться и дать ему возможность... помолчать хотя бы дня три.

Между тем после триумфа «Судьбы человека» (1959) на Бондарчука обрушился очередной всплеск славы. Апогеем стало присуждение ему в 60#м Ленинской премии, после чего наладилась и бытовая жизнь награжденного. Если до этого ему с женой, ее родителями и бабушкой приходилось ютиться в двухкомнатной квартирке, то теперь они все вместе переехали в роскошную квартиру на улице Горького. Прежнее жилье они сдали государству, а взнос за кооператив, который им так и не построили, Бондарчук передал одному из детских садов.

В 1959 году Бондарчук и Скобцева вновь снялись вместе – в фильме режиссеров#дебютантов с «Мосфильма» Георгия Данелии и Игоря Таланкина «Сережа». Бондарчук сыграл роль Дмитрия Корнеевича Коростелёва, отчима мальчика Серёжи, а Скобцевой досталась роль Марьяны, матери Сережи. Фильм стал классикой советского кино.

Но Скобцева снималась и без своего мужа – в фильмах: «Суд сумасшедших» (1962; главная роль – Сузи Хаггер), «Сотрудник ЧК» (1964; агент белых Тверская), «Я шагаю по Москве» (1964; дама с зонтиком), «Тридцать три» (1966; врач-психиатр Вера Федоровна).

В 1962 году Бондарчук приступил к экранизации «Войны и мира». На роль Элен Курагиной он утвердил свою жену Ирину Скобцеву, а на роль Наташи Ростовской взял не профессиональную актрису, а 20#летнюю балерину из Ленинграда Людмилу Савельеву. Завистники мгновенно распустили слухи, что это неспроста: мол, у режиссера с дебютанткой роман. Ирина Скобцева эти сплетни категорически отвергает. По ее словам:

«У нас с Сергеем был настолько крепкий союз, что подобные слухи не способны ничего разрушить. Более того, я, как могла, старалась помочь Люсе Савельевой – и опытом своим, и словом, и делом... Про нашу семью вообще ходило очень мало слухов, потому и этот очень быстро угас. Мы не давали поводов для сплетен...»

В разгар работы над «Войной и миром», осенью 62#го, Бондарчук повидался со своим первым сыном, Алексеем. Это была их первая встреча за долгие годы, причем произошла она при обстоятельствах весьма драматических. Когда Алексей приехал в Москву, Бондарчук находился на съемках Бородинского сражения под Дорогобушем Смоленской области. Жена режиссера, узнав, кто к ним заявился, отказалась пустить парня в дом. Тогда Алексей отправился к Инне Макаровой. Та вспоминает:

«Открываю – Алеша. Начал что-то путано объяснять: мол, приехал познакомиться с отцом (они ведь виделись, только когда сын был совсем крохой), но его даже на порог не пустили. Я сказала, что он может жить у нас сколько захочет. И тут вдруг звонит Сергей.

Полгода, наверное, не звонил, а тут будто почувствовал... Я сказала, что его сын у меня и они с Наташкой очень хотят увидеться с отцом. Сергей пообещал приехать. Но на следующий день планы вдруг изменились: «Приехать не могу. Встретимся на нейтральной территории, в Нескучном саду». А я слышу, как женский голос ему суфлирует. Спросила: «Сергей, это чья там режиссура?» Он смутился, начал оправдываться. В конце концов приехал. Вздрыганный, растерянный, мечется по комнате: «Наташа, Наташа, была бы ты постарше, я бы тебя на Наташу Ростову попробовал!» Потом – ко мне: «Инна, что мне делать? Она внизу сидит. Что мне делать – бросить их?» А у них со Скобцевой только-только Аленка родилась. Я отшатнулась: «Что ты? Бог с тобой!» Он снова по комнате заметался, бормочет что-то, чуть не плачет. А на меня вдруг нервный смех напал. Сергей растерялся от такой реакции, а потом говорит: «Хорошо тебе, Наташа. У тебя мама веселая!»

В период работы над четырьмя сериями «Войны и мира» в семье Бондарчука и Скобцевой случилось целых два прибавления: сначала родилась дочь Алена (31 июля 1962 года), затем – сын Федор (9 мая 1965 года). Вот что вспоминает по этому поводу Ирина Скобцева:

«Обстоятельства складывались так, что дети наши рождались в отсутствие отца. Когда родилась Аленка, Сергей Федорович находился на молодежном фестивале в Хельсинки, куда был приглашен почетным гостем. Когда девочка-секретарь принесла ему телеграмму с сообщением о рождении дочери, он спросил: «Как тебя зовут?» – «Аленушка». – «Вот и моя будет Аленушкой». А в палате, где я лежала, было еще двенадцать женщин, и, по-моему, человек семь из них, родивших девчонок, решили назвать дочерей Аленушками. Я тогда еще подумала: «Уж я#то свою ни за что так не назову». А потом приезжает Сергей Федорович и передает мне в палату маленькую открытку: аист держит в клюве перевязанный бантом конверт с надписью «Made in USSR. Аленушка».

Федя тоже родился, когда Сергей был вдали от дома... Сын был у нас и Тарасиком, и князем Андреем: няньки, когда его приносили, говорили: «Вот князь Андрей». Но буквально через три месяца после его рождения мы с Сергеем потеряли его отца, Федора Петровича, и тогда сына называли в честь деда...

Дети родились у меня поздно (первенец – в 35 лет. – Ф. Р.). Я только сейчас понимаю, что многим тогда пожертвовала. Начало ведь у меня действительно было блестящим – заметные роли в фильмах «Иван Франко», «Отелло», «Неповторимая весна», «Поединок»... Но по-другому поступить не могла, да и не хотела. Перед съемками «Войны и мира», помню, Сергей сказал мне: «Я буду снимать картину, а все остальное – твоя забота...»

Между тем во время съемок «Войны и мира» Бондарчук едва не скончался. Об этом рассказывает Ирина Скобцева:

«Внезапно съемки приостановили и велели подготовить первую серию для Московского фестиваля 65#го года. Нужно было все срочно перезаписать, озвучить, написать музыку. Работали по 14 часов. Однажды Сергей вышел из просмотрового зала с чашкой чаю и вдруг... упал. К счастью, быстро подъехали две «неотложки», и врачи вывели его из состояния клинической смерти – несколько минут сердце не билось... Только на следующий день меня пустили к нему – у него были такие опрокинутые внутрь глаза!..»

Почти то же самое едва не повторилось спустя три года, но теперь уже в Италии, на съемках фильма «Ватерлоо». Эту картину Бондарчука специально пригласили снимать после грандиозного успеха «Войны и мира». Когда они с женой прибыли в Рим, их встретили по высшему разряду – выделили роскошные апартаменты со служанкой и прочими удобствами. Однако в самый разгар съемок Бондарчуку стало плохо, и он вновь угодил в больницу. Жена, помня его клиническую смерть три года назад, чрезвычайно обеспокоенная этим, потребовала, чтобы он прекратил съемки. Однако Бондарчук поступил по-своему.

Фильм доснял, и в 1970 году он вышел на мировые экраны. Успех имел меньший, чем «Война и мир», однако все равно впечатлял.

А теперь послушаем воспоминания бывшей супруги Бондарчука Инны Макаровой:

«В 1971 году я снималась в фильме Николая Москаленко «Русское поле». На съемки я выехала, едва успев восстановиться после болезни (у актрисы были проблемы с почками. — Ф. Р.). И ни разу об этом не пожалела. Москаленко собрал на площадке профессионалов, с которыми было легко и интересно работать. Особую радость мне доставила встреча с Нонной Мордюковой — бывшей партнершей по «Молодой гвардии» и коллегой по Театру-студии киноактера. Нонна рассказала о своем недавнем визите в дом Бондарчука. Они случайно встретились на улице, Сергей очень обрадовался, стал настойчиво звать в гости. Дверь открыла горничная в кокетливой наkolке и фартучке. Нонне показалось, что в этой шикарной квартире Сергей был словно сам у себя в гостях. Нечто подобное я слышала и от Герасимова после того, как они с Тамарой Федоровной побывали у Бондарчука и Скобцевой. «Как же он там неуместен! — сказал, сокрушенно качая головой, Сергей Аполлинариевич и повторил: — Как неуместен...»

Мы с Сергеем постоянно сталкивались на приемах, фестивалях, банкетах, премьерах. Там я не раз слышала от коллег: «Так не смотрят на бывшую жену!» Я и вправду от взглядов Сергея чувствовала себя неловко. А его обыкновение прикасаться при встрече к моей руке или к цветку на лацкане моего пиджака! Помню, однажды на какой-то важный прием в Кремле надела новую брошь. Так Сергей несколько раз до нее дотронулся — якобы хотел получше рассмотреть.

Вдруг вспомнился еще один банкет, где мы встретились. Бондарчук подошел к накрытому для фуршета столу и начал растерянно его обозревать, решая, что положить в тарелку. Я вызвалась ему помочь: «Сереж, возьми вот это, очень вкусно, и вот это обязательно попробуй!» Сосед по столу директор «Мосфильма» Николай Сизов вдруг перебил меня вопросом: «Инн, что это тебя мало видно?» — «Как это мало?! — негодуя воскликнул Бондарчук и уже с гордостью добавил: — Она везде, везде!» Перекусить бедному Сереже в тот раз так и не удалось. Проходивший мимо режиссер Игорь Таланкин шутливо заметил: «Что же это такое, он с девушками разговаривает, а там жена его ищет!» Бондарчук поспешно поставил на стол тарелку и отправился в другой конец зала. Себе он не принадлежал. Иногда, правда, Сергей бунтовал. Один такой случай произошел в присутствии Наташи. Бондарчук пригласил дочь в гости, чтобы познакомить ее с Аленой и Федей. Провел в свой кабинет, поставил новую пластинку из своей коллекции. Только прозвучали первые аккорды, как в дверях выросла Ирина Константиновна: «Сделай потише! Дети спят». Сергей, метнув на жену взгляд-молнию, прибавил звук. Скобцева молча закрыла за собой дверь.....».

Что бы ни говорили о браке Бондарчука и Скобцевой, однако, если с Макаровой он прожил 10 лет, то с ней был до самой смерти — 37 лет. Это говорит само за себя. При этом супругов связывали не только домашние дела, но и творческие. Так, Бондарчук за эти годы снял 6 фильмов, и во всех снималась его супруга: «Ватерлоо» (1970; Мария), «Они сражались за Родину» (1975; полковой врач), «Степь» (1978; графиня Драницкая), «Красные колокола» (1982; графиня Панина), «Борис Годунов» (1986; хозяйка корчмы), «Тихий Дон» (1992; Василиса Ильинична).

Еще в нескольких фильмах других режиссеров супруги снялись вместе: «Молчание доктора Ивенса» (1974; у него главная роль — доктор Мартен Ивенс, у нее тоже главная роль — миссис Эвелин Ивенс), «Выбор цели» (1975; у него главная роль — Игорь Васильевич Курчатов, у нее — роль Марины Дмитриевны Курчатовой), «Такие высокие горы» (1975; у него главная роль — школьный учитель Иван Николаевич Степанов, у нее — роль Лизы Пименовой), «Они сражались за Родину» (1975; главная роль — Иван Звягинцев), «Степь» (1978; роль Емельяна), «Отец Сергей» (1979; у него главная роль — отец Сергей, у нее — роль баро-

нессы), «Бархатный сезон» (1979; у него роль Ричарда Бредвери, у нее – миссис Бредвери), т/ф «Овод» (1981; у него роль кардинала Монтанелли, у нее – роль миссис Бертон, матери Артура), «Борис Годунов» (1986; у него главная роль – Борис Годунов, у нее – роль хозяйки корчмы).

В последнем фильме дебютировал и сын героев нашего рассказа Федор Бондарчук (он тогда учился во ВГИКе, на курсе И. Таланкина) – он исполнил роль царевича Федора Годунова. Правда, критика встретила этот тандем в штыки. Дело в том, что к тому времени в Союзе кинематографистов поменялась власть (в мае 1986 года начальниками стали либерал-перестройщики), которые спустили всех собак на корифеев кинематографа: С. Бондарчука, С. Ростоцкого, Л. Кулиджанова и др. Как вспоминает И. Скобцева:

«Многие из детей кинематографистов снимаются в кино, но к нашим детям было такое отношение, что их работу в кино не воспринимали и осуждали. Это очень проявилось на фильме «Борис Годунов», где снялись оба – и Сергей, и Федя. Федя ведь замечательно играет, но критики набросились на Бондарчука за то, что он, дескать, тащит в кино своих детей. Вместо радости мы получали одни огорчения...»

А вот их дочь, Алена Бондарчук, тоже снимавшаяся в этой ленте (роль царевны Ксении), дебютировала в кино еще в 1979 году опять же в одном фильме с родителями, где играла их дочь («Бархатный сезон», Бэтти Бредвери). В том году Алена закончила школу и поступила в Школу-студию МХАТ. Снялась в фильмах: «Живая радуга» (1983; Маша), «Парижская драма» (1984; главная роль – Алекс), «Время и семья Конвей» (1985; главная роль – Мейдж в молодости), «Похищение» (1985; мама), «Приходи свободным» (1985; главная роль – Елена), т/ф «Жизнь и бессмертие Сергея Лазо» (1985; Тосико).

Однако если с дочерью у Бондарчука-старшего отношения всегда были ровными, то вот с сыном одно время был конфликт, который разразился как раз сразу после съемок «Бориса Годунова». А поводом к нему послужила ранняя женитьба сына. Федор как-то угодил в больницу, где его навещали друзья. Однажды туда пришел его приятель со своей девушкой и ее одноклассницей Светланой Рудской. Последняя произвела на больного такое впечатление, что он быстро поправился и стал с ней встречаться. И очень скоро сделал ей предложение руки и сердца. Однако родители Федора встретили это известие без должного восторга, поскольку считали, что их сыну сначала надо окончить ВГИК, а уже потом связывать себя узами брака. Тем более собственного жилья у молодых еще не было. В итоге у Федора с родителями произошел серьезный конфликт, после которого он ушел из дома. Вопреки родительскому мнению он все-таки женился на Светлане, чего его отец, Сергей Федорович, простить сыну долго не мог. И в течение восьми (!) лет со своим отпрыском не общался (те жили в доме у Тиграна Кеосаяна). Их примирение произошло только в 1993 году, за год до смерти Бондарчука-старшего. Случилось это на церемонии вручения премии «Овация». Сергея Федоровича попросили вручить награды лучшему клипмейкеру, и им стал его сын Федор (судя по всему, это была задумка организаторов премии – таким образом помирить отца и сына). В тот вечер они снова стали близкими людьми.

Между тем бабушкой Бондарчука-старшего сделала его старшая дочь Наталья (от брака с Инной Макаровой). Она окончила ВГИК (1971) и снялась во многих блокбастерах: «Солярис» (1972), «Звезда пленительного счастья» (1975), т/ф «Красное и черное» (1976) и др.

В 1972 году Наталья вышла замуж за актера Николая Бурляева, и в этом браке 13 сентября 1976 года родился сын Иван Бурляев (он станет композитором). Спустя восемь лет – 27 августа 1987 года – у этой четы родится еще один ребенок – дочка Мария. Правда, вскоре после этого Бондарчук и Бурляев расстанутся.

В браке с Ириной Скобцевой Бондарчук при жизни станет бабушкой тоже дважды. Первой их осчастливит дочь Алена. Будучи замужем за ученым-геммологом Виталием Крю-

ковым, она 7 февраля 1985 года родит на свет сына – Константина Крюкова (ныне известного актера). А потом к этому делу подключится и сын Федор – в 1991 году у них со Светланой родится сын Сергей, названный так в честь деда. И получился полный тезка – Сергей Федорович Бондарчук-младший (он тоже станет актером).

О том, каким был Бондарчук-старший в те моменты, когда в его творчестве вдруг наступал перерыв, рассказывает его супруга Ирина Скобцева:

«Сергей Федорович не занимался никакими домашними делами, но ни минуты не сидел празднично: рисовал, лепил, резал по дереву... Вне съемок он любил работать под музыку – при нем всегда был маленький приемник.

По натуре Сережа был очень страстным человеком во всем. Скажем, увлекся работой, а у меня день рождения послезавтра. Хватился – подарка нет. Так он за пару дней из куска полена вырезал бюст Толстого. Или вдруг захотел какую-нибудь трубку вырезать из дерева, так ведь не успокаивался, пока не сделает».

В свое время отец Бондарчука скончался в 70-летнем возрасте. Режиссер тоже считал, что судьба отмерит ему этот же срок. Но ошибся: он пережил отца на четыре года. Мог бы прожить и дольше, если бы не трагическая история с его последним фильмом – экранизацией шолоховского «Тихого Дона», когда его попросту обманули итальянские партнеры, спрятав от него фильм и не дав выпустить его на экран. От этих переживаний Бондарчук слег. По словам И. Скобцевой:

«Сергей Федорович каждое утро просыпался с тяжелым вздохом: «Ну что же мне делать с этими бандитами?» Видя удрученное состояние Сережи и понимая, что надо его как-то из него вытаскивать, я уговорила его съездить в Сочи на «Кинотавр», а еще (чуть раньше) в Югославию. И хотя поездка эта была не из легких: и дорога на перекладных, и блокада Белграда, и долгое ожидание на границе, возвращались мы в приподнятом настроении. Ему там предложили интересную работу. Увы, продержалось это настроение недолго. Все та же неизвестность с «Тихим Доном» душила его...»

В последние месяцы здоровье стремительно уходило из Бондарчука. Эти месяцы были замешены на крови (открылись три кровоточащие язвы), кофе и сигаретах. В конце концов все пережитые волнения вызвали у режиссера рак (недаром этот недуг называют болезнью печали). Врачи не сразу поставили диагноз – все думали, что с печенью что-то. Оказалось, поражено легкое и уже ничего нельзя поделать.

Уходил Бондарчук тихо. Перед смертью за два часа причастился и исповедался. На календаре было 20 октября 1994 года.

Рассказывает дочь режиссера Наталья Бондарчук: «Еще за год до смерти я почувствовала его уход из жизни и мысленно стала прощаться. Его семья боролась за его жизнь, и Ирина Константиновна особенно. И дочь Алена тоже. То, что он завершил фильм «Тихий Дон», – заслуга его семьи. Когда отец умер, Алена позвонила мне в Киев (я там была на съемках) и сказала только: «Папа...» И я все поняла. Мы обе очень долго рыдали. Мама тоже переживала. Но на кладбище к нему пошла одна, позже. Сейчас я поняла один свой долг – я должна снять фильм об отце...»

Спустя 15 лет – 7 ноября 2009 года – из жизни ушла и Алена Бондарчук. Как и отца, ее сгубил рак (эта болезнь чаще всего передается по отцовской линии). Похоронили дочь рядом с ее родителем на Новодевичьем кладбище.

Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк

Маршал в кино и рядовой дома

Большинству людей, кто знал актера Михаила Ульянова как исполнителя ролей сильных и суровых мужчин, было невдомек, что в домашних стенах он являл собой совершенно иного человека – почти беспрекословно подчинявшегося своей супруге. Той самой женщине, которая вскружила ему голову в пору его юности и затем вившего из него веревки на протяжении более чем полувека. Как же они познакомились?

В апреле 1946 года в кинотеатре города Тара, в 400 километрах от Омска, показывали новый фильм «Небесный тихоход». Билетов было не достать, но 19-летнему Михаилу Ульянову повезло – он стал счастливым обладателем такого билета. Ему, человеку, который едва сам не стал летчиком (в 1944 году его хотели направить в летную школу, но затем призыв отменили), очень хотелось посмотреть эту комедию про героических «сталинских соколов», громивших фашистов на фронтах войны. В этом фильме блистала 22-летняя актриса Алла Парфаньяк (1923), увидев которую Ульянов тут же в нее влюбился. И потом еще несколько раз ходил в кино на «Тихохода» только ради того, чтобы взглянуть на эту актрису. Такую красивую и обаятельную в своей дебютной роли, да еще в окружении таких мэтров советского кино, как Николай Крючков и Василий Меркурьев. Мог ли представить 19-летний Ульянов, что спустя всего лишь несколько лет он не только будет играть на одной сцене с этой актрисой, но и станет... ее мужем? Конечно же, нет. Как и про многое другое в судьбе своей будущей жены. Например, про то, что на момент съемок в «Небесном тихоходе» Парфаньяк только-только окончила второй курс щукинского училища. Ее приняли туда во время войны, в 43-м, несмотря на то, что ее отец, профессор математики, в 30-е годы был репрессирован. Алла жила в Москве с мамой, польской аристократкой, и, как и все студенты театральных вузов, мечтала стать знаменитой. Фильм «Небесный тихоход» ее таковой и сделал. А тут еще на съемках в нее влюбился сам Николай Крючков, за которого она стремительно вышла замуж и родила ему сына, названного, как и отец, Николаем.

Не попав в летное училище, Ульянов в том же 1944 году записался в театральный кружок под руководством Евгения Павловича Просветова. Два года он «грыз» там гранит театральной науки, после чего решил – пора покорять Москву. Купил билет на поезд и отправился в столицу. В ГИТИС экзамены провалил, но зато был принят в то самое щукинское училище, в котором все еще училась Алла Парфаньяк (она была на последнем курсе). Но для первогодка Ульянова она тогда была недосыгаема. А когда он узнал, что она к тому же стала женой Николая Крюčkова, его мысли о знакомстве с ней и вовсе стали несбыточными. И он переключил свое внимание на других студентов.

В конце учебы у Ульянова завязался страстный роман со студенткой, которая училась на курс младше его – с Ниной Нехлопоченко (1928). Они практически не расставались друг с другом ни в училище, ни за его пределами. Мечтали о том, как вскоре окончат «Щуку», поженятся и будут играть в одном театре до старости. Но, как оказалось, это были всего лишь мечты. Во всяком случае, для Нины. Потому что однажды она уехала навестить своих родных в Одессу, а там, как назло, гастролировал Театр Вахтангова. Нина с подругами отправилась на один из спектаклей и познакомилась с музыкантом театрального оркестра Борисом Веселым (он играл на фаготе). И закрутился у них роман, который заставил девушку иначе взглянуть на свои отношения с Ульяновым. Она поняла, что больше его не любит. О чем она тут же ему и сообщила, вернувшись в Москву.

Сказать, что Ульянов был этим потрясен, значит ничего не сказать. Он был буквально этим раздавлен. Но удерживать бывшую возлюбленную силой он не собирался и во время их

последнего свидания сказал: «Дай бог, чтобы тебя кто-нибудь полюбил так же, как я, и чтобы ты не переживала того, что я сейчас переживаю!» Именно в тот миг в нем зародилось дикое желание доказать Нине, что она совершила страшную ошибку, за которую будет корить себя всю жизнь. Он решил во что бы то ни стало стать знаменитым. А уж если он что-то решил, то остановить его на этом пути было очень трудно.

В 1950 году Ульянов окончил училище и был распределен в Театр имени Вахтангова. В тот самый, где работала и Алла Парфаньяк. Но она считалась примой этого театра, одной из немногих его актрис, которая приезжала и уезжала из него на собственной машине, купленной ее звездным супругом Николаем Крючковым. Когда она подъезжала к театру на этом авто и выходила из салона в каракульчовой черной шубке и шляпке, пошитой самой известной в Москве модисткой, прохожие замирали в немом восторге. Разве могла Алла обратить внимание на какого-то безусого дебютантника Ульянова, бегавшего в массовке и одевавшегося, как провинциальный мужлан. Естественно, нет. Михаил тогда был гол как сокол и нищ, почти как попрошайка на паперти. Он жил в общежитии, где вместе с ним в одной комнате обитали еще трое таких же, как и он, нищих студентов. Когда однажды они варили пшеничную кашу в кастрюле и та опрокинулась на пол, они вчетвером ползали по нему и ложками ели эту кашу, пока она была еще горячей. Если бы это увидела Парфаньяк, она бы просто упала в обморок от такого зрелища. Но Ульянов в глубине души продолжал верить в то, что его клятва, данная им себе во время последнего разговора с Нехлопоченко, будет выполнена. И шел к этому методично и упорно.

В 1951 году он вступил в ряды КПСС, чтобы эта мечта стала еще ближе. А вскоре после этого он узнал, что у Парфаньяк не все ладится в семье – их брак с Крючковым был на грани распада. Единственное, что удручало – Алла завела себе другого мужчину, причем он был из того же круга избранных, что и Крючков. Это был знаменитый актер Марк Бернес. Он тогда тоже был женат, но в актерской среде это мало что значило – понятия муж или жена там часто носят чисто условное значение. Эту истину Ульянов открыл, еще когда учился в шукинском, и она его тогда здорово поразила. Ведь в тех местах, где он родился и прожил первые 19 лет, такой свободы нравов все-таки не наблюдалось.

В споре с Бернесом Ульянов опять проигрывал. Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. Жена Бернеса Паола в 1953 году внезапно забеременела (до этого родить ребенка у них никак не получалось), и он остался в семье. И вскоре на свет появилась дочь Наташа.

После этого Ульянов предпринял отчаянные попытки обратить на себя внимание Парфаньяк, но у него поначалу ничего не получалось. Дело дошло до того, что от отчаяния актер с головой бросился в омут пьянства. Он стал завсегдатаем веселых компаний, и на этой почве его выгнали из театра. По его же словам:

«Многие тогда махнули на меня рукой, мол, пропал парень... Но тут Алла подняла на ноги товарищей и заставила их просить за меня... Великое спасибо Рубену Николаевичу Симонову! Он сказал: «Вернуть в коллектив». А мог сказать: «Нет»... И как тут не верить в рок?... Хотя судьба судьбой, а без властной руки Аллы я бы в одиночку не выплыл...»

Эта история заставила Парфаньяк обратить внимание на Ульянова. Именно из чувства жалости и родилась у нее потом любовь к молодому актеру. И, как говорится, пошло-поехало. Как признается чуть позже сама Алла:

«Миша меня на каток пригласил! Он катался залихватски. Да и мне нравилось. Миша, пытаясь показать москвичкам, что у себя в Сибири он только и передвигался на коньках, разогнался – и ка-а#ак дербалызнется об лед затылком, аж искры из глаз!.. Жалела. Тогда, может быть, и полюбила... Впрочем, нет, как увидела его впервые – сразу поняла: мой мужчина. Навсегда. И жалела, конечно – он такой деревенский, угловатый, неотесанный был. Окал, акал, какие-то скомканные сибирские словечки, каша во рту... Я его учила говорить.

Ухаживал он яростно, с такой неимоверной, невиданной страстью, что невозможно было устоять! А окончательно поняла, что мы будем вместе, в Варшаве...»

Речь идет о гастролях Театра имени Вахтангова летом 1953 года. Это была первая поездка Ульянова за границу, а вот Парфаньяк там уже неоднократно бывала. Принимали их фантастически – на всех спектаклях были аншлаги. Правда, актерам не разрешалось выходить в город по одному, а только пятерками. При таком раскладе побыть наедине Ульянову и Парфаньяк никак не удавалось. Но однажды Алла шепнула Ульянову: «У меня здесь живет родная тетка. Давай навестим ее вдвоем». Услышав это, Ульянов сначала испугался – ведь он был членом партии, а тут ему предлагали фактически побег из пятерки. Но в то же время он понимал, что своим отказом может навсегда отвести от себя Аллу, которая сочтет его за труса. К тому же кто мог дать гарантию, что Алла не сделала это специально, чтобы проверить его реакцию? Короче, он согласился. Как будет вспоминать потом сам актер:

«Я возражал, говорил, что Алла с ума сошла... Но мы поехали. Город производил какое-то нереальное страшное впечатление, будто декорации: почти сплошь руины. Тетя счастлива была, угостила, как сейчас помню, какой-то ветчиной тонкой... Этот поход в гости был большим риском для нас. Но если Алле что-то втемяшится в голову – переубедить невозможно!..»

Видимо, именно этот эпизод отменил последние колебания Парфаньяк в отношении Ульянова. И когда они вернулись на родину, между ними начался страстный роман. И это при том, что Парфаньяк все еще была замужем за Крючковым. И было непонятно, чего хочет актриса – отомстить ему мимолетной интрижкой или окунуться в очередной серьезный роман, который грозил расторжением звездного брака. Ведь у супругов подрастал сын Николай, который как раз пошел в школу и уже все понимал.

Однако влюбленные так хоронились, что даже в родном театре почти никто не знал об их романе. У Ульянова опыта в этом еще не было, зато Парфаньяк была великим конспиратором. Ведь она совсем недавно точно так же водила за нос мужа, когда встречалась с Бернесом, а теперь проделывала то же самое с Ульяновым. Более того, с Бернесом она окончательно тогда еще не порвала, но Ульянов об этом... тоже не догадывался. И какое-то время она стояла перед дилеммой, кого же ей все-таки выбрать – знаменитого Бернеса или неизвестного Ульянова. Вот как об этом будет потом вспоминать ее подруга и коллега по театру Галина Коновалова:

«В 1955 году шел прогон сказки Маршака «Горя бояться – счастья не видать». Ничего особенного, но играл сам Рубен Николаевич Симонов (у него была роль царя Дормидонта, а Ульянов исполнял роль смекалистого солдата Ивана Тарабанова – главного героя сказки. – Ф. Р.). Мы с Аллой стояли в конце зала и смотрели за происходящим на сцене. И вдруг прямолинейно, как всегда, она спрашивает:

- Галь, тебе нравится этот парень?
- Какой?
- Вон тот, на сцене с краю.
- Кривоногий? Нет, не нравится.
- Да? А я думала...
- Что ты привязалась, Алка?
- Это Миша Ульянов. Я с ним живу...

Я была сильно удивлена выбором Аллы. И когда через какое-то время она опять меня спросила:

– Как ты думаешь: мне лучше все-таки дальше с Марком или с Мишей? – я твердо ответила:

- Конечно с Марком! Тут двух мнений быть не может!..»

Но Парфаньяк в итоге выберет Ульянова. Или все же сам Бернес не решился жениться на ней, хотя сама она этого очень хотела. Может, что-то в характере этой женщины его напугало и он счел за лучшее не связывать себя узами брака с ней. Как покажет будущее, выбор окажется правильным. Спустя несколько лет Бернес женится на женщине, которая будет с ним до самой его смерти. А Парфаньяк тоже не останется внакладе, выйдя замуж за Ульянова.

На тот момент в его пользу было уже несколько существенных факторов. Во#первых, он был моложе Бернеса на 16 лет. А во#вторых, у него уже началась та слава, которая сделает его одним из самых заметных молодых актеров того времени. А началось все в 1955 году, когда на сцене своего театра Ульянов исполнил роль Ленина в спектакле «Человек с ружьем» по Н. Погодину. Такие роли абы кому в СССР никогда играть не позволяли. Затем подтянулось и кино.

В мае 1956 года на экраны страны вышел фильм Юрия Егорова «Они были первыми», где Ульянов с блеском сыграл роль комсомольского вожака Колыванова. А в декабре следующего года состоялась премьера фильма Льва Кулиджанова «Дом, в котором я живу», где наш герой исполнил роль геолога Дмитрия Федоровича Каширина. Кстати, по сюжету ему изменяет жена-красавица, чего в жизни Ульянова представить было сложно – он был страшно ревнив и буквально не спускал глаз со своей возлюбленной Аллы Парфаньяк.

К тому времени она уже ушла от Николая Крючкова, и они с Михаилом жили в двухкомнатной квартире Аллы (она отсудила ее у бывшего мужа) на Можайском шоссе (с 1957 года – Кутузовский проспект). Жили там вчетвером: Ульянов, Парфаньяк, ее сын Коля Крючков и мама Аллы. Отношение мальчика к отчиму было вполне доброжелательное, тем более что сам Ульянов буквально пылинки с него сдувал, опасаясь разочаровать Парфаньяк. А потом у них появился собственный ребенок – в декабре 1959 года на свет родилась дочь Лена. Причем, когда его жена рожала, Ульянов был на гастролях и не знал точной даты родов. В итоге Парфаньяк благополучно разродилась без него, а когда он вернулся, специально примчалась в аэропорт вместе... с новорожденной. Говорят, когда Ульянов, спускаясь по трапу самолета, увидел жену, которая подняла над головой завернутого в теплое одеяло ребенка, он... расплакался. Так потрясла его эта сцена. А ведь он был отнюдь не сентиментальным человеком. И в том же кино играл именно таких героев: штурмана Сергея Сутырина в «Екатерине Ворониной» (1957), Николая Кайтанова в «Добровольцах» (1958), шофера Михаила Прохорова в «Стучись в любую дверь» (1959), большевика Егора Михайлова в «Шли солдаты...» (1959), матроса Белоуса в «Городе на заре» (1960), секретаря райкома партии Данилова в «Простой истории» (1960), председателя колхоза Трубникова в «Председателе» (1964) и др.

В последнем фильме его герой так мастерски ругался матом (правда, звук был отключен), как никто еще в советском кино не ругался. Кстати, в реальной жизни Ульянов был такой же – матом мог покрыть так виртуозно, что уши закладывало. В итоге даже его дочка этому мастерству научилась. По словам Елены:

«Папа был очень сдержанным, терпеливым. Когда в детстве я плохо себя вела, в чем-то была виновата, мать тут же начинала орать, потом забывала, так и сходило. А отец молчал – молчал раз, молчал два, три, пять, десять... Но когда был с моей стороны уже явный перебор – его прорывало. Он обращался в бешеного зубра, который носился по квартире и сметал все на своем пути. Но никогда не поднимал на меня руку! Ругался – да. Этого добра у нас было навалом – недаром и я стала заядлой матерщинницей. Мог наорать. Но это было не самое страшное. Самое – когда начиналась многочасовая воспитательная беседа. Отец садился в кресло в кабинете, вызывал меня на ковер и начинал прорабатывать. Говорил о том, как ему за меня стыдно, как я позорю его фамилию... И здесь уж я могла отвечать или не отвечать – все равно, потому что ему необходимо было выговориться. Всю мощь сво-

его актерского темперамента, эмоций, таланта, который заставлял рыдать тысячные залы, он обрушивал на меня, маленькую. Однажды на даче я даже сознание потеряла: сползла по стенке и упала в обморок. Отец дико испугался...»

Дочери было всего около пяти лет, когда ее отец вдруг вновь стал заглядывать на дно бутылки. Как мы помним, такой опыт у него уже был в начале 50#х, но он был вызван тем, что у актера наступило отчаяние – он пил от безысходности, от того, что женщина, которую он любил, была для него недосыгаема. Но десять лет спустя ситуация была уже иной. Недосыгаемая оказалась его женой, у них росла общая дочка. И вдруг – опять начались пьянки. С чего, почему – непонятно. Может быть, в семье было что-то неладно?

Много лет спустя зять актера Сергей Марков решил поинтересоваться о тех событиях у самого Ульянова. И между ними состоялся следующий диалог:

«– Мне рассказывали, что были времена, когда вас, Михаил Александрович, домой из ресторана Дома актера, благо недалеко, через Пушкинскую площадь перейти, чуть не на руках приносили. Поднимали на лифте, прислоняли к двери, звонили и ретировались, боясь гнева Аллы Петровны. А вы, когда домашние открывали, падали внутрь и засыпали в прихожей на полу...

– Кто это, интересно, тебе рассказывал? – насупился Ульянов.

– Знамо дело – та, которая бегала вокруг и кричала: «Папа! Папа!»

– Всякое бывало, – неохотно, со скрипом признал Ульянов. – Одно время мы сдружились в театре: Юра Яковлев, Женя Симонов, я... – и увлеклись этим делом. Но одни увлеклись, имея тормозную систему. А другие – таковой не имея. Считается, что алкоголизм – не дурость, а болезнь. Я считаю, что это и дурость, и болезнь одновременно. Например, Юрка Яковлев всегда мог остановиться: дальше, мол, не могу и не буду. И ни за что в него нельзя было больше залить, даже рюмку. Женя Симонов тоже останавливался, когда перебирал. А у меня тормоза отказывали. Пытался бросить. С понедельника. Или с Нового года завязывал. А со Старого Нового года, на каком-нибудь капустнике в ВТО развязывал...

Когда Аллу Петровну пьянство мужа вконец достало, она пригрозила ему самоубийством. Это случилось наутро после того, как в очередной раз Ульянова «принесли и прислонили». Он повалился лицом вниз, так и лежал.

– Все, – сказала Алла. – Давай говорить серьезно.

Обычно яростная после его загулов, была она на этот раз убийственно спокойна.

– Ты знаешь, сколько лет я терпела твое пьянство. Ты знаешь, сколько раз я выручала тебя, уговаривала всех в театре взять тебя на поруки.

– Знаю, Алла, и очень тебе благодарен...

– Да плевать мне на твою благодарность. Я окончательно поняла, что настоящего актера из тебя не выйдет, сопьешься, как сотни и тысячи... Ты понимаешь, что ради тебя я собой пожертвовала?

– Понимаю, Алла...

– Ты понимаешь, что погубил мою жизнь?

– Ну зачем ты так, Алла, я... Ну хочешь, брошу?

– Ты миллион раз клялся и божился...

– Ну, это последний, это действительно последний раз! Поверь, пожалуйста, поверь!..

Помолчав, Парфаньяк встала с кресла, подошла к окну и медленно его открыла – с улицы пахло промозглым холодом. Подставив стул, она поднялась на него, потом ступила на подоконник перед открытым настежь окном на восьмом этаже.

– Алла!.. – бросился было к ней Ульянов, но она остановила жестом.

– Еще шаг – и я выхожу, – таким тоном сказала, что он поверил: именно так жена и поступит. – Стой на месте, не приближайся. Последний раз в жизни выбирай: или ты

со мной, но в таком случае раз и навсегда отказываешься от водки – ни глотка, ни полглотка, или я выхожу в окно, мне терять больше нечего. Ну, выбирай.

В гуле машин на улице Ульянову послышалось что-то потустороннее.

– Я не стану считать даже до трех. Просто отвечай: со мной или?.. – Она шагнула на раму, тапка соскользнула с ее изящной ножки и улетела куда-то вниз, в небытие.

– С тобой, – выдохнул Ульянов и подхватил ее на руки.

С той поры он не пил спиртного. Даже пива...»

Не станем спорить с этим утверждением, поскольку Ульянов действительно «завязал» с выпивкой. Внесем лишь одну правку: «завязал» пить при жене. А вот если ее поблизости не было, то он, что называется, отпускал вожжи. И в такие моменты являл из себя... Впрочем, послушаем рассказ еще одной свидетельницы – актрисы Лионеллы Пыревой, которая снималась с Ульяновым в одном из лучших фильмов с его участием – «Братья Карамазовы» (1969), с которым они потом объездили много стран. Именно об одной из таких поездок, куда Парфаньяк не поехала, и ведется речь:

«...В Японии нас поселили в небольшой гостинице в центре Токио. И вот как-то выхожу из своего номера и вижу, как пьяный Ульянов в одних трусах штурмует дверь отеля, пытаюсь выйти на улицу.

Стучу в дверь оператора Вронского: «Сережа, быстрее! Сейчас Ульянова в полицию заберут!» Перехватываем коллегу уже на улице, пытаемся затащить обратно, а он упирается, орет. Еле успокоили и уложили в кровать. Но поздно вечером Ульянов врывается ко мне, открывает бар и выхватывает оттуда виски. Я бросаюсь наперерез: «Михаил Александрович, поставьте бутылку обратно! Ребята из посольства сказали, что алкоголь из бара стоит немислимых денег – никаких суточных не хватит!» Смотрю, а он уже крышку скручивает. В это время – звонок. Одной рукой хватаюсь за бутылку, другой срываю с аппарата трубку. В ней – голос атташе:

– Лионелла Ивановна?

– Да...

Рычание и ругань Ульянова приводят сотрудника посольства в замешательство:

– Поздновато гуляете.

В это мгновение Ульянов хватает меня за горло. Не выпуская из руки трубку, хриплю:

– Помогите...

Ребята из советского посольства появляются буквально через пару минут. Пытаются уговорить вконец разбушевавшегося Ульянова, который отбивается руками и ногами, орет: «Отдайте мне мой миллион йен!» Вырвавшись, бежит в туалет, падает лицом на край ванны, кричит от боли. Наконец посольские уводят его в номер и, убедившись, что «клиент» уснул, отбывают.

Следующим вечером наша делегация собралась в номере у Вронского. Пьем чай, разговариваем, а на душе у всех мутно. Кто-то предлагает: «Давайте позовем Ульянова. Сидит сейчас один, умирает от стыда за вчерашнее. И на улицу не выйти – синяк вполлица. Жалко человека».

Едва перешагнув порог, Михаил Александрович выдает страстный монолог:

– Вы все стукачи! Сексоты! Посольских вызвали? А по возвращении «телегу» на меня куда надо накаたаете?

– Не мерьте всех по себе, – устало роняю я и, попрощавшись, ухожу в номер. Смотреть на этого человека мне не вмоготу.

Опыт, полученный в Японии, научил Ульянова брать «горючее» с собой. В Испанию он приехал с большим запасом «чекушек». На показы и встречи со зрителями почти не ездил, отговариваясь то усталостью, то плохим самочувствием. Истинная причина открылась в день отъезда. Вся делегация во главе с Сергеем Михалковым давно сидит в автобусе,

а Ульянова все нет. «Мы так в аэропорт опоздаем, – говорит Сергей Владимирович и просит кого-то из актеров: – Сбегай узнай, чего он тянет». Гонец возвращается минут через пять, ведя под руку едва держащегося на ногах Ульянова.

Вопреки опасениям Михаила Александровича, ни одной «телеги» на него никто не накатал...»

Между тем Ульянов был одним из немногих советских актеров, кому позволялось играть как роли советских вождей (вроде Ленина), так и роли разного рода нехороших героев, вроде подлого доносчика в «Тишине» (1964) Владимира Басова. Или, например, он играл белогвардейского генерала Чарноту в «Беге» (1971), за год до этого представ в знаменитой эпопее Юрия Озерова «Освобождение» (1970) в роли маршала Георгия Жукова. Последняя роль стала настоящей визитной карточкой актера на всю жизнь – он сыграет легендарного маршала в 21 фильме, включая 5 серий эпопеи «Освобождение». Назовем эти фильмы: «Море в огне» (1971), «Слушайте на той стороне» (1972), «Блокада» (1974–1977), «Выбор цели» (1975), «Солдаты свободы» (1977), «Если враг не сдается...» (1983), «День командира дивизии» (1984), «Победа» (1985), «Битва за Москву» (1985), «Контрудар» (1985), «Закон» (1990), «Сталинград» (1990), «Война на Западном направлении» (1991), «Трагедия века» (1994), «Великий полководец Георгий Жуков» (1995), «Звезда эпохи» (2005).

Сразу в нескольких фильмах Ульянов сыграл и роль В. И. Ленина: «Ленин в Швейцарии» (1966), «Штрихи к портрету Ленина» (1970), «На пути к Ленину» (1970), «Несмотря ни на что» (1973), «Человек с ружьем» (1977), «Брестский мир» (1989).

Между тем с фильмом «Бег» была связана совсем не киношная история. С этим фильмом Ульянов объездил много стран, в том числе и капиталистических. И вот в одной из них купил своим женщинам – жене и 12-летней дочери – подарков: джинсы, сапожки, кофточки и т. д. Но если дочка была в полном восторге от своих обновок, то вот Парфаньяк показала свой «дворянский» норов – забрала все вещи, которые муж ей купил. При этом так его оскорбляла, что он не знал, куда себя деть: «Это что за ужас? Платье? Ты меня, видать, с любовницей какой-то своей спутал! А это что за говна пирога? А это-то что за убожество, а? Обещанка-цацанка, а глупому радость! Ну, Миша, с любовью покупал, ничего не скажешь! Во#первых, жмут. А во#вторых, вообще – прощай, молодость! Это ж надо было выискать такое говно!.. Забирай!..» – и полетели все купленные вещи Ульянову чуть ли не в голову. Это ведь он только в кино играл вершителей судеб – маршалов и партийных секретарей – а в домашних стенах всем заправляла Алла Парфаньяк, у которой он был в полном подчинении.

Об этом же еще одна история от С. Маркова:

«Вчетвером – Ульянов, Парфаньяк, Лена и я – мы совершили круиз по Средиземному морю. Тогда это было не то что внове, а казалось просто фантастикой, волшебным сном. Афины, Неаполь, Генуя, Марсель, Барселона, Мальта, Стамбул... Валюты было совсем немного, распоряжалась ею «главный казначей» семьи Алла Петровна. В промежутках между экскурсиями или вместо них они с Леной рыскали по магазинам и вещевым рынкам. Ульянов себе ничего не покупал и не просил. Бывало, возьмет с прилавка какую-нибудь безделушку, сувенирный ножик или ручку, повертит в руках и назад положит. Кепки примерял. У него был большой размер головы, шестьдесят первый – шестьдесят второй, так что подходящие кепки не всюду можно было найти, а он их любил. В Марселе продавались такие, на его вкус: большие, клетчатые – но попросить, зная, что денег мало, он так и не решился. И лишь под конец круиза – в Стамбуле на Гранд-базаре – Михаил Александрович присмотрел себе серую кожаную куртку.

– Алла, может, купить?

– Зачем она тебе? – отвечала Алла, в обеих руках держа баулы с покупками для себя.

– Ну, я просто давно мечтал о кожаной куртке... Всего пятьдесят долларов, а?

– Всего... Да глупости, не нужна она тебе! – отрезала Парфаньяк.

Покорный и расстроенный Ульянов как-то даже ростом стал на мгновение ниже, ссутулился.

– Ладно, Ал, действительно не нужна...

Переживал он и из-за того, что мы с Леной становились свидетелями его унижения...

А вот что вспоминает друг их семьи, актриса Вахтанговского театра Г. Коновалова:

«Выходя за Мишу, она подозревала, что тот всю жизнь будет ее боготворить. И оказалась права. Жил он, можно сказать, под властью супруги, не бунтовал, революций не устраивал, лишь изредка сетуя на недостаток тишины в доме, которой хотелось, но никак не получалось добиться... Меня часто спрашивают, неужели Ульянов никогда не изменял жене? Свечку не держала, конечно, но ума не приложу, как бы он смог это проверить! Алла в гневе – это ж Хиросима! И руководила она им абсолютно авторитарно – пикнуть не смел. Причем многое в ее «управлении» было абсолютно правильным! Однажды идем с ней по центру и видим афишу. Написано: «Творческий вечер (далее значилась фамилия редактора одного из популярных советских журналов)», а более мелким шрифтом указаны фамилии тех, кто будет принимать участие. На фамилии «Ульянов» Алла замерла: «Та-а#ак... Ну и как тебе это понравится?!» Надо пояснить, что герой вечера на тот момент был фигурой одиозной и зловещей. А если еще откровеннее – редкой сволочью и антисемитом, который давил все прогрессивное и с наслаждением подключался к любой разгромной кампании.

В общем, взбесилась она невероятно! Дома бедный Миша не знал, куда от ее крика деться. «Да как тебе это в голову пришло?! Ноги твоей там не будет, и только попробуй!» – грохотала Алла. Ему периодически удавалось вставить что-то типа: «Аленочка, ну что ты... Как же я не пойду? Обещал же! Уже и афиши висят». – «Нет, ты откажешься! Что хочешь говори: заболел, умер! Иначе вон отсюда!» И, представьте себе, не пошел...

Обратим внимание, что героем авторского вечера, на котором должен был выступить Ульянов, – «редкая сволочь и антисемит, который давил все прогрессивное и с наслаждением подключался к любой разгромной кампании». Определение чисто либеральное. Но оно хорошо характеризует как саму мемуаристку, так и Аллу Парфаньяк. А ведь про Михаила Ульянова в народе сложилось совсем иное мнение. Актер, который в основном играл принципиальных партийцев и маршалов, олицетворял собой скорее антилиберала, чем либерала. И вот поди ж ты – долгие десятилетия жил бок о бок с женой-либералкой, да еще не смел ей перечить.

Парфаньяк и в самом деле была женщиной с крутым нравом. Из-за этого у нее так и не сложились отношения с ее сыном от первого брака Колей Крючковым. А ведь как хорошо все начиналось. Родители купили Николаю отдельную квартиру на Каширке. С ним туда уехала мама Парфаньяк, которая не могла допустить, чтобы молодой человек жил один. Но она не смогла жить с внуком и вернулась назад. А Николай бросил университет и начал бродяжничать. Мать пыталась ему помочь, но он категорически этого не хотел – даже отказался брать у нее деньги. И тогда Парфаньяк пошла на хитрость: стала передавать эти деньги через Галину Коновалову, а ее просила, чтобы она говорила, будто это деньги ее, а не Парфаньяк. В противном случае Николай деньги брать отказывался.

А потом случилась и вовсе дикая история. Николай решил отказаться от советского гражданства и написал соответствующую бумагу в Верховный Совет СССР. Это был настоящий кошмар – сын Николая Крюкова и пасынок Михаила Ульянова, которые были лицом советского режима, стал ярым антисоветчиком. Впрочем, может быть, это вышло не случайно, а закономерно? Дело в том, что и сама Алла Парфаньяк, в жилах которой, как мы помним, текла польская кровь, не питала большой любви к советской власти и дома частенько проходила по ее адресу. Вот ее сын, видимо, наслушавшись этих речей, и решил: если

уж такие люди эту власть кроют на чем свет стоит, значит, это нормально. За это его упрятали в психушку. И пришлось Ульянову, киношному маршалу Жукову и Ленину, его оттуда вызволять. Но теплее отношения с пасынком у него после этого не стали. Впрочем, к Ульянову у Крючкова-младшего практически не было претензий. Всю свою злость сын срывал на матери, которая была ему ненавистна. Впоследствии он выехал-таки за границу и прервал с родителями всяческую связь.

Между тем Парфаньяк продолжала играть на сцене Вахтанговского театра. Правда, ролей у нее было не слишком много. Например, в середине 70#х их было всего три: Анна Никитична в «Из жизни деловой женщины» (1974), Леденцова в «Театральной фантазии» (1974) и Королева Елизавета в «Ричарде III» (1976). За эти и другие роли в феврале 1976 года А. Парфаньяк была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР. К тому времени ее супруг уже семь лет как был народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии РСФСР (1975). Более того, в 1976 году он становится членом Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС и становится вхож в высокие правительственные кабинеты, с ним на короткой ноге многие члены ЦК и даже Политбюро.

Он тогда играл не только в Вахтанговском театре, но и в Театре на Малой Бронной, где воплотил на сцене Наполеона в постановке А. Эфроса. Как вспоминал сам актер: «Когда я играл Наполеона Первого и получал за это копейки, то меня в нашем театре называли буквально «предателем», а потому что вот – ушел в другой театр. Хотя ничему, никакой работе в родном театре мой «уход» не помешал, ничего не сорвал, не нарушил. Играли по пять спектаклей в месяц на Малой Бронной, все было заранее спланировано...»

Кстати, о копейках. Вот что вспоминает все та же Г. Коновалова:

«...В те годы все выбрасывали или отдавали за бесценок старую мебель, меняя ее на ужасную современную. Алка (Парфаньяк. – Ф. Р.) развернула бурную деятельность по «переселению» попадавшихся на глаза любопытных экземпляров в ее дом. Мебель из красного дерева постоянно нужно было подклеивать, вновь приобретенную – реставрировать. К ним то и дело приходил какой-то парень, который с этими бюро-шкапами возился, и на плите подогревался специальный клей... До сих пор помню его запах! Что-то ей перепадало на гастролях, и Миша упрямылся: «Алена, ну кто повезет этот столик?» «Как это кто? Ты, конечно!» – спорить с ней было бесполезно. Даже желающие поторговаться за свое добро старухи быстро теряли охоту и брали столько, сколько она давала. «Ты делаешь глупость, – учила меня подруга. – Постоянно покупаешь овощи на рынке. А я вот экономлю, беру только в овощном. Пусть они не такие красивые, зато вот», – и она протягивала вперед ухоженные ручки, унизанные перстеньками и колечками с бриллиантами, которые она обожала. «Ты это купила не «на морковку»!» – выходила из себя я. По вопросу экономии мы никогда не могли с ней договориться. «Алка, ты жадная!» – смеялась я. – «Нет, я не жадная. Я экономная». – «Да, наверное, ты права». – «Я всегда права!»

Картины коллекционировать начала, конечно, Алла. Однако и Ульянов в области изобразительного искусства освоился довольно быстро. Я, бывало, подшучивала: «Ну что, ты изпод Рембрандта мне звонишь?» И в эти процессы меня тоже время от времени втягивали. Однажды Миша, который начинал репетировать Наполеона, возжелал получить в свою коллекцию портрет французского полководца, не помню уже чьей кисти. Продавала дама на Арбате, в доме рядом с упомянутым уже диетическим магазином. Ему самому идти было неловко, попросил меня: «Галюш, сходи, пожалуйста, приценись...» Пошла после работы. Встретила меня дама явно из бывших, графиня, а то и княгиня. За Наполеона хотела много. Я начала торговаться и, чтобы было сподручнее (думаю, в Вахтанговском она хоть раз, но была), говорю: «Я не себе. Артист Михаил Ульянов очень хотел бы приобрести». – «А этому полотеру я свою картину вообще ни за какие деньги не продам!» Оказалось,

она смотрела «Антония и Клеопатру», и Миша в роли не понравился ей до крайности. В общем, выкатилась я оттуда без Наполеона.

Потом Алла затеяла строить дачу, когда их вообще никто не строил. 43 рубля стоила путевка в Мисхор, в актерский дом отдыха, 26 рублей – билет туда, зачем тратиться на дачи?... Но, как показало время, подруга Парфаньяк оказалась куда дальновиднее нас всех...»

А вот что вспоминает дочь актеров Елена Ульянова:

«Жили мы скромно. То есть на все нужное, конечно, хватало, но без роскоши. И я, как все мои сверстницы, стояла в очереди за ливерной колбасой, за сыром, за маслом. Разве что папа ходил на рынок и «под свое лицо» получал треску или судака. Еще родители любили антикварную мебель, но в те времена ее можно было купить очень дешево. Что же касается дачи – она была у нас точно такая же, как у всех советских людей в те времена. Мама ездила на дачу довольно часто и с девяти до девяти копалась в грядках (дача была на станции Трудовая по Савеловскому направлению. – *Ф. Р.*). Папа выбирался реже и сразу начинал косить! Не только траву, а все, что под руку попадется. Бывало, что и мамин посадки уничтожал, тогда на всю округу раздавался мамин возмущенный крик. Как сейчас вижу папу в военном кителе, в стареньких джинсах и с косой!...»

В конце 70#х – начале 80#х годов Ульянов снимается сразу в целом ряде картин, где играет совершенно разные роли. Например, в «Обратной связи» (1977) – начальника стройки Нуркова, в «Позови меня в даль светлую» (1978) – колхозника Николая, в «Последнем побеге» (1981) – воспитателя в колонии для несовершеннолетних Кустова, в «Без свидетелей» (1982) – опустошенного, проигравшего жизнь человека, в «Частной жизни» (1982) – директора предприятия Абрикосова. Отмечу, что последний фильм получил приз на Международном кинофестивале в Венеции и Государственную премию СССР в 1983 году.

Была у Ульянова в те годы и «закрытая» роль – драматург Ким Есенин в фильме Глеба Панфилова «Тема» (1979). Это была социально-психологическая драма, рассказывающая о том, как благополучный вроде бы драматург переживает серьезный творческий кризис. Высокие цензоры из Госкино углядели в этой теме большую крамолу и положили картину на полку. Там она пролежала семь лет и вышла на экраны страны только в 1986 году, когда началась перестройка.

За год до этого Ульянов и Парфаньяк стали дедушкой и бабушкой. Внучку Лизу (девочку назвали в честь мамы Ульянова, которая умерла еще в феврале 1965 года. – *Ф. Р.*) им родила дочь Елена, которая в 1984 году вышла замуж за журналиста журнала «Огонек», уже знакомого нам Сергея Маркова (сын поэта-диссидента Алексея Маркова). Однако когда внучке было полгода, случилась неприятная история, которая едва не стоила жизни зятю звездной четы. Что же случилось?

В один из дней Марков собрался ехать на работу. Однако, сев в машину, внезапно передумал добираться на ней и поехал на метро (хотел почитать свежий номер журнала «Новый мир»). А в это время на его «Жигули» свалился огромный кусок льда с балкона пятого этажа (Ульяновы жили на улице Горького, в доме, где чуть позже откроют первый в СССР «Макдоналдс»; там же когда-то жили Л. Орлова с Г. Александровым). А поскольку времени с того момента, как он вышел из дома и во дворе раздались крики людей, возвестивших его домочадцев о том, что на автомобиль упал кусок льда, прошло немного, все подумали, что Марков погиб. Можно себе представить те чувства, которые пережило семейство Ульяновых, когда им сообщили об этом происшествии. К счастью, достаточно быстро выяснилось, что в «Жигулях» никого не было.

Между тем злополучный кусок льда, пробивший крышу автомобиля, свалился с балкона, где жил Генеральный прокурор СССР Рекунков. Далее послушаем рассказ С. Маркова:

«Снег и лед хозяева балкона обязаны были счищать, да и сам козырек был надстроен незаконно. Лена ринулась наверх скандалить, но получила от ворот поворот. «Это ваши

проблемы», – ответила прокурорша в шелковом халате, смерив ее высокомерным взглядом советской суперэлиты и не пустив даже на порог.

– Провинция так и прет! – возмутилась Алла Петровна, когда Лена пожаловалась. – Миша, сходи ты.

– И что я скажу? – поразмыслив, задался вопросом Ульянов.

– Скажи: нашу машину разбомбило с их балкона, пусть возмещают!..

До позднего вечера Ульянов выхаживал по квартире в мрачной тяжелой задумчивости.

– Нет, Алла, – сказал он наконец во втором часу ночи. – Я не пойду.

– Почему?

– Лучше нам с этими людьми не связываться. Мне сказали, он был близким другом Брежнева. Сами как-нибудь поднатужимся, заплатим за ремонт...

– Вот так всю жизнь сами и поднатуживаемся! – возмущалась Алла.

Мне неловко было смотреть на ульяновские терзания. Я всю эту историю пытался свести к шутке, но получалось не очень. На ремонт мы, что называется, скинулись...

А на дворе была горбачевская перестройка, которая многих выбила из колеи, но только не Ульянова. В отличие от многих своих коллег по искусству (например, С. Бондарчука), которые с наступлением новых времен были преданы ostrакизму, Ульянов сохранил свое лидирующее положение и даже более того, заметно его упрочил. Вот лишь перечень его должностей в те годы: 1986–1987 – секретарь правления Союза кинематографистов СССР; 1986–1996 – председатель правления Союза театральных деятелей России; народный депутат СССР с 1989#го; 1976–1990 – член Центральной Ревизионной Комиссии КПСС и т. д.

В 1987 году Ульянов стал художественным руководителем Театра имени Вахтангова. Причем во время его выборов труппа раскололась – часть ее хотела, чтобы худруком был Рубен Симонов. Но победил в итоге Ульянов, за спиной которого маячил ЦК во главе с главным перестройщиком и будущим гробовщиком страны Горбачевым. Не случайно, когда в ноябре того же 1987 года в Театре имени Вахтангова отмечалось 60#летие Ульянова, генсек-гробовщик приехал на это празднество и прилюдно расцеловался с юбиляром. После этого поцелуя прошло всего четыре года, и некогда великая страна развалилась. Кстати, не без участия таких корифеев сцены, как... Ульянов. Чуть позже в газете «Правда» журналист В. Вишняков напишет следующее:

«...Не разобравшись в сути происходящего, он (Ульянов. – *Ф. Р.*) вольно или невольно, но весьма основательно приложил руку и наработанный в советские годы авторитет к разрушению советского общества и государства, вскормивших и выпестовавших его талант. В этом – драма большого художника. К пониманию ее он придет в последние годы жизни...»

В 90#е годы Ульянов продолжает вести активную общественную и творческую деятельность. В театре он занят в трех спектаклях: «Без вины виноватые» (роль Шмаги), «Последний день последнего царя» (Юровский) и «Турандот» (Бригелла). На очереди Фамусов в спектакле «Горе от ума», который будет ставить Петр Фоменко.

Что касается кино, то здесь у актера были две заметные роли: в фильме Юрия Кары «Мастер и Маргарита» он сыграл Понтия Пилата, а в картине Сергея Соловьева «Дом под звездным небом» (1993) – ученого Башкирцева. Но главной киноработой постсоветского Михаила Ульянова была, конечно же, роль пенсионера Ивана Федоровича Афонина, который мстил насильникам своей внучки, вооружившись винтовкой с оптическим прицелом. Речь, как вы догадались, идет о фильме С. Говорухина «Ворошиловский стрелок», премьера которого состоялась в апреле 1999 года. Давая в те дни интервью одному из изданий, актер сетовал:

«Жить мне сегодня неуютно. О каком уюте речь, если даже по улицам ходить опасно, если страшно за детей (его внучке Лизе в ту пору было 13 лет. – *Ф. Р.*).

Я живу на Тверской, и что я вижу? Я не пойму, что это за улица, что за московская Сен-Дени? Главная улица столицы, выходящая на Кремль, – улица проституток?

Но я уповаю на здравый смысл, на то, что мы образуемся и заживем по-людски. Очень хочется, чтобы это произошло поскорее. Призыв «Мы должны хорошо жить» – это не идея, не религия. Восстанавливаем храмы, а души людские – ломаем. Реконструируем церкви, а по телевизору пускаем одну стрельбу и поножовщину. Зачем нам храмы, если к ним нет дороги? Пройдите по улицам, посмотрите, сколько на них психически больных. Люди повредились рассудком, ум за разум заходит от окружающей жизни. Хоть бы кто-нибудь наверху прокукарекал что-нибудь здоровое, мудрое. А пока этого нет, приходится ждать. И бороться, чтобы дождаться. Все борются, и я борюсь, защищаюсь – работой, домом, семьей. А куда деваться? На том стоим...»

Спустя несколько лет после этого Ульянов стал угасать. Причем его накрыла такая волна апатии, что он не хотел ни ходить в театр (некогда великий Театр Вахтангова тогда превратился в заурядный), ни возвращаться домой. Вот как об этом вспоминал С. Марков:

«...Театр Вахтангова, художественным руководителем которого еще был Ульянов, отправился на гастроли в Швейцарию. Гастроли проходили с успехом. В Женеве отмечали всей труппой день рождения Михаила Александровича, организовали в отеле мини-капустник, смеялись, пели, говорили много добрых слов про него. Никто не заметил, как он выпил: сначала немного, потом постепенно разошелся. Выпил еще... И пропал. Хватились его не сразу, сильно за полночь. Естественно, обеспокоились: Михаил Александрович был уже очень болен. Бросились на поиски, но ни в одном из номеров, которые занимали актеры театра, ни в фойе, ни в ресторане его не оказалось. Хотели уже заявлять в полицию. Но Галина Коновалова, «знавшая Мишу столько, сколько не живут», предложила с полицией не торопиться и сама отправилась на поиски по ночной Женеве, руководствуясь исключительно интуицией. И нашла – бог знает где, в какой-то темной грязной забегаловке, мрачного и пьяного.

– Выпьешь со мной? – предложил он, наливая Коноваловой коньяку. – Галя, Галя... Один я, понимаешь? Совсем один...

– Да как же один, Миша, тебя знает и души в тебе не чаёт вся страна, Алла, Лена, Лиза!..

– Нет, ничего ты не знаешь и не понимаешь, Галя... Один я. Один... Давай с тобой выпьем! Грустно мне... Как же мне грустно и тяжело, что вот все... кончается...

– Пошли домой, Миша!

– А где мой дом?! И кто ждет меня, кому я нужен?

Наутро, проспавшись, за завтраком промолвил в ужасе: «Не говори Алле, узнает – убьет...»

Когда ему сделали операцию (не по основной болезни, к ней прибавились «прочие болячки»), Михаил Александрович впал в беспамятство. Никого не узнавал, отмахивался, говоря, что на него черти из телевизора лезут. Алла Петровна надела ему на шею крестик. И попросила привести священника. Едва тот появился в палате, Ульянов пришел в себя и сказал, показывая крестик: «А я ношу уже»...

Именно тогда, когда Ульянов слег в больницу, он стал прадедушкой: внучка Лиза родила на свет двойню – Игоря и Настю. Актеру сообщили об этом, но реагировать он уже не мог, поскольку, помимо отказавших почек и печени, у него началось двухстороннее воспаление легких.

Вспоминает Г. Коновалова: «А потом Миша заболел, и это было для меня странно, дико, непонятно. Я воспринимала его сибиряком с медвежьим здоровьем, который в Крыму всегда носился на водных лыжах, крутил педали катамаранов. Крепкий, сильный мужик! Да что там говорить, мы все привыкли к тому, что наш Ульянов – это громадный творческий

потенциал и сильная мужественная внешность, маршал Жуков во плоти! О том, что душа у Миши нежная, ранимая, будто не в то тело попала, догадывались разве что близкие.

Когда болезнь его стала очевидна, так как периодически Ульянов уже с трудом передвигал ноги, Алла уговаривала мужа не ходить больше в театр. «А что мне останется? Сидеть дома и смотреть, как ты консервируешь?» – вздыхал он и все равно продолжал ходить на работу.

Алла, эта наша «Хиросима», в один момент переменялась. Начала с ним возиться, как с младенцем. Когда ноги все-таки отказали, помогала заново учиться ходить – сначала два шага в день, потом пять... Готовила диетическое. Было даже занятно – абсолютно железная леди вдруг превратилась в Мишин костыль, ее собственная личность будто растворилась. Казалось, они окончательно стали чем-то единым.

Когда Миша издал книгу «Мне 80 лет», мне не очень понравилось название, потому что 80 ему к тому времени еще не исполнилось. В общем, как чувствовала недоброе. И вот позвонил директор театра: «Михаил Александрович умер» (это случилось 26 марта 2007 года. – Ф. Р.). «Алла знает?» – только и смогла выдать из себя я. Услышав отрицательный ответ, помчалась к ней. Приехала, когда еще даже Лены не было. Подруга моя молчала и странно всплескивала руками, как-то по-детски, незащитно...

Похороны длились невозможно долго. Собралась вся Москва, отпевали в церкви, прощались в театре, были и военные, и гражданские. Алла не плакала, не кричала, лицо ее было безучастным и непроницаемым. Таким оно и останется на последующие два года, на которые она пережила мужа.

Ей все перестало быть интересным. Хотя могла бы заниматься внуками, закатывала бы свои драгоценные банки... Рассудок ее от горя затуманился. Я навещала ее в больнице. В своей палате Алла Парфаньяк расставила портреты Ульянова, чего никогда не делала на протяжении всей их не короткой совместной жизни. Вдруг полюбила сладкое... «Купи мне еще пирожных. Купишь?» – спрашивала. И тихо гасла.

Сначала Алла сидела, потом лежала. И я поняла: настолько сильна была эта связь, что без него она просто не могла жить дальше.

Ее последней волей было прощание в театре. Многие удивились, потому что она давно туда даже не заходила. А я снова поняла: к нему хотела быть поближе, уходить из тех же стен, что и муж...»

А. Парфаньяк пережила своего мужа на два с половиной года – она умерла 12 ноября 2009 года. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой ее супруга, с которым она прожила в официальном браке 47 лет.

Олег Табаков и Марина Зудина ***Седина в бороду, а бес в ребро***

Неравные браки, про которые в народе говорят «седина в бороду, бес в ребро», в советском кинематографе периодически случались. Пусть не так часто, как в постсоветское время, но это происходило. Причем практически в каждом десятилетии был свой «громкий» неравный брак. Например, в начале 60#х это был союз режиссера Ивана Пырьева и актрисы Лионеллы Скирды, где разница между супругами составляла 37 лет. В 70#е годы под эту категорию попал брак режиссера Владимира Наумова и актрисы Натальи Белохвостиковой с возрастной разницей между супругами в 24 года. А в последнее десятилетие существования СССР самым «вопиющим» неравным браком стал актерский союз в лице Олега Табакова и Марины Зудиной, в котором «бес ударил под ребро» первому в тот момент, когда ему было 47 лет, а его избраннице едва перевалило за 17. То есть возрастная разница составила 30 лет. Однако любви, как известно, все возрасты покорны. Именно об этой конкретной любви и пойдет речь в нашей следующей главе. Впрочем, не только о ней, поскольку до нее у Табакова была многолетняя любовь с другой женщиной, подарившей ему двух детей. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Первое серьезное чувство пришло к Табакову в 1955 году, когда он учился на 1#м курсе Школы-студии МХАТ. Его избранницей стала однокурсница Сусанна Серова (1934). Но поскольку она на тот момент была замужем (ее муж находился в то время в Китае – учил игре на фортепиано тамошних жителей), чувства Табакова были сугубо платоническими. Вспоминает он сам:

«Первые годы обучения я занимался в основном проблемами любви. Мне повезло с самого начала: я попал в замечательную интеллигентную московскую семью потомков художника Серова – учился на курсе вместе с Сусанной Серовой. И когда тяжело заболел, меня привезли именно в этот дом, где я и остался вплоть до окончания учебы, то есть почти на два года. Семья отнеслась к больному саратовскому мальчику с участием и нежностью. Внучка художника Серова, Ольга Александровна Хортик, была моим нравственным воспитателем (ей в ту пору было сорок с небольшим). Но только не настырно-скучным, а таким дружком. Может быть, Олечке не специально пришла в голову мысль разрядить «пистолет самоубийцы», то есть спасти жену брата от влюбленного юнца таким странным способом. Но дело было сделано, и с той поры я несколько лет обитал в доме на Большой Молчановке, 18. Олечка удивительно много сделала, чтобы я стал человеком. Это выражалось и в том, что в одной из комнат висела картина «Похищение Европы», и в том, как мы ездили с ней в Абрамцево и Архангельское, и в том, как она приучила меня ходить в консерваторию. В первые разы я засыпал, а потом перестал. На Рихтере не заснул. Не смог...»

Первую славу Табакову принесли его роли в театре «Современник», который появился на свет в апреле 1956 года со спектаклем «Вечно живые», где у него была роль Миши.

Каким он был в 50#е годы? Вот что вспоминает его коллега по театру И. Кваша: «Табаков и в те годы любил поесть. О, это была не любовь, а настоящая страсть... Он ведь всегда делал запасы. Даже когда у него не было квартиры и он снимал комнату. И мы, вечно голодные, совершали на них налеты. Происходило это так: мы входили к нему в комнату. 2–3 человека его держали, и кто-нибудь искал запасы под шкафом, за шкафом. Находили. Доставали. Вскрывали на его глазах. И все это сжиралось на его глазах. Он орал на нас (это же страшно, когда отнимают любимое). Только после этого его отпускали. У него всегда были вкусные компоты и консервы.

А однажды на гастролях Ефремов заболел. Ему прислали мед с лимоном и что-то там еще вкусное. А так как Ефремов встать не мог, то каждый день Табаков приходил к нему в комнату, вскрывал шкаф и на глазах больного начинал есть это «целебное». Олег кричал: «Уйди, оставь, это мне мама прислала», а Лелик (так мы его называли), чавкая и смакуя, съедал несколько ложек и уходил. Потом приходил на следующий день.

Надо сказать, что у него были термины, главный из которых – еда качественная и некачественная. Бывало, спросишь: «Лелик, качественная еда в этом ресторане?» В точности ответа можно было не сомневаться...».

В конце 50#х у Табакова случился роман, который мог круто изменить его судьбу: в него влюбилась дочь... одного из членов Политбюро. Девушка оказалась завзятой театралкой, ходила на все спектакли входившего тогда в моду театра «Современник» и в результате влюбилась в Табакова, что называется, по уши. Но он этой связи испугался. И в итоге променял дочь «шишки» на вполне обыкновенную артистку Людмилу Крылову (1938), которая вскоре и стала его женой.

Крылова училась тогда в Театральном училище имени Щепкина и была влюблена в Табакова не меньше дочери госдеятеля. Долгое время девушка спала и видела, как бы познакомиться с объектом своих воздыханий. Повод представился в 1958 году, когда второй режиссер с «Мосфильма» Ирина Поплавская позвонила Крыловой и... Впрочем, послушаем саму актрису, которая начинает свой рассказ издалека:

«У меня было трудное детство. В 1947 году умерла мама. Мне не было девяти. Не понимала, что мама ушла навсегда, долго-долго ее ждала. Тогда начала задумываться, что такое этот мир, как жить без любимых людей...»

Семья у нас была малообеспеченная. Книг в доме мало, и я каждый день ходила в читальный зал. Пойти в театральный решила после того, как одна из выпускниц школы смогла поступить в Щепкинское училище. Я подумала: а если и я попробую?..

И – поступила в драмкружок ДК «Правды»... Однажды увидела там афишу – приглашение на спектакль студии «Современник». Понимаете, меня словно кто-то ведет по жизни... И вот я иду на этот спектакль. И отчаянно влюбляюсь в него (Табакова. – *Авт.*). Мысль, что обязательно когда-нибудь познакомлюсь с этим человеком, стала моей путеводной на несколько лет! Верю, что если чего-то сильно хотеть, то это случится. Случилось, но не сразу.

Сначала я окончила десятый класс. Поступила в Щепкинское – курс набирал Вениамин Иванович Цыганков, на мое счастье, он ставил в Малом театре пьесу Горбатова «Одна ночь», и ему нужен был мальчик, похожий на главную героиню. Я была на нее похожа, и режиссер буквально вел меня на вступительных экзаменах...

Так началась моя работа в Малом театре, учеба. А вскоре – и киносъемки в фильме «Рассказы о Ленине» (1958), после которого путь в кино мне был открыт... Я уставала дико, но продолжала ходить на спектакли «Современника», а мысль познакомиться с Табаковым не отпускала, влюбленность не проходила.

Когда меня пригласили сняться в фильме «Добровольцы» и сказали, что одну из ролей будет играть Табаков, примчалась на студию, спрашиваю: «А где Табаков?» Ассистентка отвечает: «Табаков отказался, сценарий не понравился». Расстроилась, но сниматься пришлось. Потом звонит режиссер Ирина Ивановна Поплавская: «Люсенька, у меня такой привередливый актер в главной роли, не может найти себе партнершу, все ему не нравятся, может, вашу фотографию ему покажу».

Отвечаю, что сниматься не могу – экзамены и в театре работа. Но тут она вскользь сказала, что этот актер Табаков (!). У меня язык прилип к нёбу! Разволновалась, говорю: «У меня только одна фотопроба к фильму «Рассказы о Ленине», я на ней такая в косыночке...» Режис-

сер вскоре звонит счастливая: «Люсенька, он посмотрел вашу фотографию и сказал: «Эта, пожалуй, подойдет».

Что со мной было! Все внутри дрожало! Бежала со съемок «Сверстниц» в другой павильон по лестнице, дорогу преградил красавец-мужчина: «Вы ко мне?» Узнала в нем тогдашнюю звезду Козакова, но сорвала его руку: «Нет, не к вам!» – и промчалась в гримерную.

Как сейчас помню – пустая гримерная, спиной стоит женщина в белом халате, в кресле сидит человек, вижу в зеркале его отражение и чуть не падаю! Задрожали коленки, застучали зубы. Гримерша говорит: «Подождите, я с Табаковым закончу, займусь вами». А я: «Хо-хо-хорошо!» Меня словно колотит! Такого ощущения не испытывала никогда!

Во время съемок это состояние у меня возникало, как только встречалась с ним глазами.

Режиссер говорит: «Сейчас, Люсенька, будем снимать ваш крупный план, а вы, Олег, встаньте под камеру и подавайте реплики». Я чуть не визжа: «Не надо! Я с ним вообще ничего сыграть не смогу!»

Режиссер удивлялась. Табакова просили отойти... Но наш с ним роман завязался практически в первую же ночь!

И это при том, что я была самая скромная на курсе! У меня был кавалер, мы с ним под ручку провожались. Но это оборвалось на самой высокой ноте! То есть никого больше уже не существовало. И когда тот молодой человек в очередной раз пришел ко мне, я перед ним закрыла дверь: «Извини, я вышла замуж». Просто выпалила эту фразу!

С момента знакомства с Табаковым прошло каких-то четыре дня! Он снимал комнатку в центре (снимал за небольшую плату у Марии Арнольдовны Арнази, родной сестры жены Тихона Хренникова. – Ф. Р.). Я оставалась у него ночевать, то есть для меня не было уже никаких преград. В институте, конечно, все узнали. Мой преподаватель меня уговаривал: «Люсенька, ты пожалеешь, еще рано, не надо, деточка...»

Настолько сильный был у меня мой порыв, что Табаков со своим, видимо, уже достаточно богатым опытом в этом плане не мог и не хотел, наверное, устоять. А почему нет? Ведь никто не подозревал, что наш роман затянется так надолго...

На вопрос отца: «Где ты ночуешь?» – сказала: «Папа, я вышла замуж».

Он диву дался: «Почему мы его не знаем?!» Короче, привела Табакова. Сели за стол. И я говорю: «Папа, познакомься, это мой муж». Табаков потом рассказывал, что чуть под стол не сполз. Спрашивал: «Как ты могла такое сказать?!» – «А как я могла сказать иначе, если мы с тобой живем!» – «Но мы же не расписаны». – «Я же не сказала, что мы расписаны, я сказала, что ты мой муж». – «А если мы расстанемся?» – «Значит, будем считать, что мы развелись». Вот такая наивность жила во мне!...

Табаков не спешил расписываться даже тогда, когда Крылова забеременела. Случилось это в конце 1959 года. Людмила сдавала тогда дипломный спектакль и, чтобы экзаменаторам не была видна ее беременность, прикрывала живот папкой. 11 июля 1960 года на свет появился мальчик, которого родители назвали Антоном. Причем родила его Людмила на родине мужа, в Саратове.

Вспоминает Л. Крылова: «Когда мне показалось, что роды начались, мы с мамой Олега (она работала врачом. – Ф. Р.) пошли пешком в больницу. Меня положили, пошла сплошная схватка, но не разрожусь никак (Антошка головастый оказался). От меня убрали ложки, вилки, потому что я готова была сама себя вспороть – такая боль! И вот на третьи сутки подходит ко мне какой-то стажер. Я ему: «Отойдите, я умираю! Да-да, воды отошли!»

А он все спрашивает: «Ну и сколько: столовая ложка, стакан?» Я взвыла: «Я мерила, что ли?! Ну, наверное, полстакана».

Он вот такие глаза сделал! Сбежал куда-то и потом плодное место продырявил щипцами... И начались быстрые роды... Потом я не могла полтора месяца сидеть – кости таза

расходились на полтора сантиметра. Из-за этих послеродовых осложнений не могла к мужу в Москву поехать. А Олег не мог мои письма прочесть, потому что я писала и плакала, и чернила расплывались...

Олег в Москве купил коляску для сына, но не знал, как переслать. Спал у меня Антошка в чемодане. Я ночью просыпалась от страха – боялась, что крышка закроется, и он задохнется. А еще в коммуналке было полно тараканов, и я боялась, что таракан в ухо малышу заползет!

Мама Табакова стойчески все выдерживала: и готовила, и пеленками занималась...

Стоило Крыловой с новорожденным сыном вернуться в Москву (стоял сентябрь 60#го), как Табаков повел Людмилу в ЗАГС (он располагался рядом с кинотеатром «Форум»).

Свадьбу молодые праздновали в ресторане ВТО, позвали на нее всех своих друзей и коллег (это была очередная свадьба в недавно народившемся театре «Современник», где до этого уже женились Евгений Евстигнеев и Галина Волчек, а также Олег Ефремов, Игорь Кваша. Кстати, Крылова вошла в его труппу в том же 60#м). Невеста появилась перед глазами жениха и гостей не совсем традиционным способом: ее вынесли в большущей коробке, будто куклу. Сделать это не составило большого труда – Людмила была такая миниатюрная, что в коробке легко уместилась. На невесте было белое кружевное платье, которое сшила она сама, и фата.

Первое время молодые жили у родителей Крыловой на улице Правды. Предки перегородили свою комнату шкафом, и одна часть жилища досталась молодоженам. Поскольку все взрослые в семье работали (у Табакова с Крыловой, например, было по 20 спектаклей в месяц), новорожденного оставляли с нянечкой. Когда Антону исполнился примерно год, молодые переехали в другое место – в однокомнатную квартиру с балконом в доме на улице Нестерова.

На тот момент молодые продолжали играть вместе в «Современнике», а также снимались в кино. Причем пальму первенства в последнем прочно удерживал Олег Табаков, который в первой половине 60#х снялся в восьми фильмах, где у него были три главные роли (Саша Егоров в «Испытательном сроке», 1961; Олег Савин в «Шумном дне», 1961; Николай Бабушкин в «Молодо-зелено», 1963), в то время как у его супруги было четыре фильма и ни одной главной роли. В двух фильмах супруги снялись вместе: в «Молодо-зелено» (в нем Крылова играла роль жены главного героя, образ которого воплощал ее супруг) и «Живые и мертвые» (1964; у Табакова была роль старшего лейтенанта, у Крыловой – военврача Татьяны Овсянниковой).

Летом 1965 года вся труппа «Современника» снималась на родине Табакова, в Саратове, в фильме «Строится мост» Г. Егиазарова и О. Ефремова – про молодых строителей моста через Волгу. У Табакова там была роль практиканта из строительного училища Зайцева, у Крыловой – роль комсорга мостоотряда Нади Серёгиной. Вернувшись со съемок, той же осенью Крылова забеременела от Табакова вторым ребенком. Спустя девять месяцев – 3 мая 1966 года (ровно за три недели до премьеры фильма «Строится мост») – на свет появилась очаровательная девочка, которую называли мужским именем Александра. Спустя месяц (!) Людмила рискнула взять новорожденную с собой на дачу (они пополам с Галиной Волчек снимали дом в Салтыковке). Там девочка простудилась, и Людмиле пришлось самой делать ей уколы.

Большую помощь в воспитании детей оказала соседка Табакова по Саратову Мария Николаевна, которую все звали Колавной. Вспоминает О. Табаков:

«Как-то раз Мария Николаевна собралась умирать. Она купила саван, белые тапочки и позвала меня. «Вот, – сказала, – сберкнижка, тут деньги, на которые ты меня похоронишь». Я обиделся и сказал, что у меня есть деньги и что я похороню ее и так... И в это время Люся

родила Сашу. Малое, беспомощное существо нуждалось в заботе. Колавна встала и стала жить, прожив еще девять лет, пока Саша не пошла во второй класс. Вот какие бывают дела. Колавна была таким цементирующим раствором, что ли, нашего дома. Семья стала сыпаться после ее смерти в семьдесят пятом...»

В 1965 году у Табакова случился инфаркт, после которого врачи подумывали и вовсе запретить ему актерствовать. Однако уже через два (!) месяца после выписки из больницы актер уже играл Адуева-младшего в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, теряя каждый вечер по полтора килограмма веса (премьера спектакля состоялась в 1966 году). В этом же спектакле играла и Крылова – ей досталась роль Наденьки Любецкой.

В ноябре 1967 года именно этот спектакль «Современника» будет отмечен Государственной премией СССР.

В том же году Табакову была присуждена премия им. Московского комсомола за галерею образов молодых современников и вручен орден «Знак Почета». Это были первые официальные награды в творческой карьере нашего героя.

По словам самого Табакова, в 1967 году он вполне мог начать кинокарьеру европейского масштаба (в фильме Карела Рейша он должен был играть Сергея Есенина, в роли Айседоры Дункан – Ванесса Редгрейв), но этого не произошло. Почему? В том году в «Современнике» попытались закрыть спектакль «Большевики», и он остался в Союзе – бороться. Спектакль все-таки увидел свет, однако европейская кинокарьера нашего героя тогда так и не состоялась. Однако убиваться по этому поводу Табаков не стал. Отмечу любопытную деталь: в конце 60#х из всех актеров «Современника» только у четверых были личные «Волги». Этими людьми были: О. Ефремов, О. Табаков, И. Кваша и М. Козаков. Остальные «современниковцы» ездили в лучшем случае на «Москвичах», в худшем – ходили пешком.

В 1969 году супруги Табаковы сыграли вместе еще в одном спектакле – «Студент» по А. Грибоедову: у Табакова там была главная роль – провинциальный студент Беневольский, у Крыловой – воспитанница Звездовых Варенька.

В том же году дебютировал в кино и их сын Антон. В киноальманахе «Времена года», в новелле № 2 «Четвертый папа» он исполнил главную роль – Саши. По сюжету, мальчик растет без отца, его мама работает в больнице, поэтому большую часть времени Саша проводит с домработницей Феничкой (Галина Яцкина). Мальчику очень хочется иметь отца – уже трех незнакомых мужчин он называл папой. Однажды Феничку навещает моряк Федя (Александр Январев). Саша не отходит от него ни на минуту, чем очень разозлил Феничку, ведь она так долго мечтала об этой встрече. Ее лицо стало совсем другим, она даже попыталась выгнать мальчика из комнаты. Но моряк тоже заметил вспыхнувшую злость: он быстро попросился и пообещал Саше обязательно зайти, вернувшись из плавания.

Премьера фильма по ТВ прошла 4 января 1969 года. На тот момент Антону шел 9#й год, он учился во втором классе.

А в 1970 году с помощью того же телевидения была экранизирована «Обыкновенная история», где Антон сыграл свою вторую роль в кино, правда, эпизодическую.

В 1972 году на экраны страны вышел детский приключенческий фильм «Достояние республики». Как ни странно, но Антону, который по возрасту подходил для участия в этой картине, там места не нашлось даже в эпизоде, зато его родители там «засветились»: отец исполнил главную роль – чекиста Макара Овчинникова, а мама – небольшую роль Нюры, воспитательницы в детдоме.

После ухода из «Современника» Олега Ефремова в МХАТ служебное положение Табакова достигло новых высот: он становится директором театра (за пять лет до этого наш герой благополучно вступил в ряды КПСС). На эту должность именно его выбрали не случайно – всем в театре была известна его принципиальность и бескомпромиссность. И действительно, новый директор карал бездельников и халтурщиков беспощадно. Когда однажды Олег Даль

пьяным заявился на спектакль и не смог выйти на сцену, наш герой тут же распорядился его уволить.

До конца 70#х супруги Табаковы снялись еще в двух совместных фильмах: т/ф «Накануне премьеры» (1979; у обоих главные роли: Табаков – главный режиссер ТЮЗа Николай Платов, Крылова – актриса ТЮЗа Зинаида Балабанова), т/ф «Ах, водевиль, водевиль...» (1979; у обоих главные роли: Табаков – отставной прапорщик Акакий Ущица, Крылова – служанка Катенька).

В январе 1977 года Олегу Табакову было присвоено звание народного артиста РСФСР. А у его супруги на тот момент вообще не было никакого звания. Заслуженной артисткой РСФСР Крылова станет лишь в декабре 1982 года.

Между тем 1 мая 1977 года по ЦТ состоялась премьера двухсерийного фильма режиссеров А. Бланка и С. Линькова с Одесской киностудии «Тимур и его команда» по А. Гайдару, где главную роль – Тимур – исполнил сын героев нашего рассказа Антон Табаков. Фильм вышел на экраны как раз в тот момент, когда Антон заканчивал 10#й класс. О своих школьных годах он вспоминает следующим образом:

«Меня держали на продленке до последнего, после чего я шел домой, чтобы побеситься во дворе. Мы жили тогда на пересечении улиц Готвальда и 2#й Тверской-Ямской – аккуратно напротив 10#го отделения милиции, что отнюдь не мешало нам создавать неформальные объединения. Среди нас были и ребята, один внешний вид которых наводил на взрослых ужас. Вполне допускаю, что кто-то из них мог стать знаменитым вором в законе. Лет 20 назад ко мне на улице подошел какой-то парень довольно специфической наружности и стал обнимать, как старого знакомого.

Школа осталась у меня в памяти как самый травматический период жизни. Я в ту пору доставлял родителям массу хлопот, потому как все время что-нибудь ломал: ноги, руки... Однажды, упав с каната, сломал позвоночник. На уроках физкультуры все как раз было нормально, но вот на переменах!.. Бесконечные травмы и даже полостные операции – это могло расшатать любую нервную систему. Мама сильно переживала, отец же мужественно держал удары судьбы.

С этим временем связаны и наши с Денисом Евстигнеевым проделки по части воровства сигарет у родителей. В дефицитные 70#е годы вся стенка в комнате отца была заставлена огромным количеством импортных блоков. Сам он скорее пижонил с сигаретой в зубах. В нескольких картинах, в том числе и в «Семнадцати мгновениях весны», появлялся в кадре с «Кэмел», блоки которого хранились на «складе». Что же делали мы, заядлые курильщики? Брли из его «хранилища» блоки, аккуратно распаривали над кипящим чайником целлофан, вынимали целые пачки, снова все тщательно запечатывали и клали на место. Долгое время отец не догадывался о воровстве; раскрыто оно было, только когда одна из коробок, окончательно опустев, подмялась, и стенка, составленная из сигаретных блоков, как из кирпичиков, рухнула. Впрочем, наказание было не особенно жестоким...»

В тому же Антон Табаков поступил в ГИТИС на курс А. А. Гончарова.

В 80#е годы свет увидел всего лишь один совместный фильм Табакова и Крыловой – телефильм «Печники» (1983), где Табаков сыграл роль майора-военкома, а Крылова – директора школы Марии Федоровны. Больше супруги вместе не снимались. Почему? С Табаковым приключилась история, про которую в народе обычно говорят «седина в бороду, бес в ребро». Короче, он серьезно влюбился на 47#м году жизни.

Вообще, в пору его брака с Крыловой у него иногда случались любовные приключения. В основном в роли его пассий выступали коллеги-артистки. Как отмечает сам Табаков, он «грешил на профессиональной почве». Но были и исключения. Так, однажды в него влюбилась американская миллионерша. Ее бабушка оставила ей богатое наследство, которым женщина решила распорядиться весьма оригинально: половину она собиралась оставить

себе, а другую – отдать Табакову с тем, чтобы он открыл в США собственную театральную студию. Предложение было очень заманчивым, но наш герой им по ряду причин не воспользовался.

Скорее всего, Крылова догадывалась об увлечениях супруга, но предпочитала закрывать на это глаза, ставя во главу угла благополучие своих детей. Так продолжалось почти два десятилетия. Пока в 1981 году на жизненном пути актера не возникла юная абитуриентка Марина Зудина (1965). Она родилась в Москве, в семье, где папа был журналистом, а мама – учительницей музыки. Желание стать актрисой у Марины появилось в старших классах. Причем ее кумиром был Олег Табаков. Он нравился ей с самого детства: под его голос, когда он читал по радио «Пятнадцатилетнего капитана», она делала уроки. Когда после школы Марина надумала поступать на актерский, мама ей сказала: «Иди к Табакову! Если он тебя не примет, больше ни к кому не ходи – значит, актриса из тебя плохая». Девушка так и сделала. Понимая, как это трудно – попасть к такому педагогу, – Марина целый год перед поступлением занималась с фониатором, развивала низкий регистр, так как у нее были проблемы с голосом. Чуть позже в газете «Собеседник» появятся воспоминания одноклассницы Марины – некоей Ольги Зольдиной (фамилия изменена), которая расскажет следующее:

«...Я узнала, что Марина устроилась заниматься в драматическую студию Олега Табакова, которая потом стала знаменитой «Табакеркой». Эта студия находилась в подвале, и занятия там проходили несколько раз в неделю. Марина туда пошла в первую очередь потому, что в студии был хороший фониатор, а ей требовалось поставить голос. Это было ее слабое звено, Марина вообще голосом не владела и даже не могла громко сказать: «Кушать подано!» В общем, она ездила туда и возвращалась все время очень поздно, после трех часов ночи. А потом она мне призналась, что хочет покорить самого Табакова. Мне эта мысль показалась сумасшедшей. Но она пояснила: «Ты знаешь, на одну девчонку из нашей группы он обратил такое внимание... Но не как на актрису, а как на красивую девушку, понимаешь? И тогда я подумала: «Чем я хуже нее?» Я поняла, как с Олегом Павловичем нужно действовать». Вот такие взрослые мысли были у Марины Зудиной в 16 лет. Какие уж тут одноклассники с их детскими играми и мечтами поступить хоть в какой-нибудь институт или на худой конец в ПТУ...»

Зудина добилась своего – во время экзаменов в ГИТИС Табаков обратил-таки на нее внимание (либо это случилось чуть раньше – когда она посещала его «Табакерку»). По его же словам:

«Некая адюльтеризация предыдущей части моего мужского бытия совершалась ритмично, с определенным временным циклом. Но все изменилось с появлением этой круглолицей, темноволосой девушки, пришедшей в Дом архитектора на улице Щусева, где мы прослушивали абитуриентов для добора. Марина Зудина предложила нам свой репертуар, увенчанный рассказом о злоключениях Зои Космодемьянской. Что-то странное было в ней. Даже мое горькое знание настоящей истории Зои Космодемьянской, а также совершенно немыслимой судьбы ее матери, рассказывавшей о конце своих детей Зои и Шуры, не зачеркнуло того, что делала эта абитуриентка. Скорее, наоборот, история про Зою со всей очевидностью продемонстрировала внутреннюю потребность и готовность Марины обливаться слезами над вымыслом. С этого начинается актер, да и любой творец... Марина была наполнена, как бы это сказать... трудно сдерживаемым желанием выступить в ролях. У Марины показатели были хорошие, хотя она несколько опоздала в своем рождении. Круг выгодных для нее ролей – в дорогостоящих, костюмных фильмах...»

В 1983 году окончила школу дочь Табакова Александра. Как и ее брат Антон, она пошла по стопам своих родителей – поступила в Школу-студию МХАТ (курс В. Богомолова). Причем в школе она была сильна в математике, и все были уверены в ее поступлении в какой-

нибудь технический вуз. На это же ориентировалась и сама Александра. Но в самый последний момент решила пойти в актрисы, хотя большого таланта в ней не было. В итоге актрисой она так и не станет.

А ее папа в ноябре того же 1983 года закрутил роман с ровесницей дочери, которая в то время училась на втором курсе. Тяжелее всего пришлось, конечно же, студентке. Послушаем Табакова:

«В нашем неласковом театральном мирке ей досталось полной мерой. Марине помогла выжить только наша обоюдная влюбленность – без этого нельзя было бы пройти через то, что она прошла. Иногда ее просто ломали через колено. Отношение к ней было абсолютно как к наложнице: ну чего же, коли обслуживаешь, так и имей свое, как всякая обслуга...

Конечно, бывало всякое: на заре нашего романа Марина не раз писала мне письма, подытоживающие наши отношения после того, как я последовательно и логично пытался убедить ее, что ей надо строить свою жизнь без меня... А потом все начиналось снова.

Я ощущал свою вину перед ней и был убежден, что никогда не смогу оставить своих детей, рожденных в первом браке. Все это было некой легендой, придуманной мною в подростковом возрасте, но ей я пытался следовать до встречи с Мариной...

Зудина училась у Табакова пять лет (1981–1986). И за это время она умудрилась сняться в семи фильмах, где сыграла две главные роли. А ее дебютом стала лента «Еще люблю, еще надеюсь» (1985), где она исполнила небольшую роль жены Петра. А спустя год ее взяли на главную роль в картину «Валентин и Валентина». Причем режиссером фильма был Георгий Натансон, который в 1960 году снимал Олега Табакова в фильме «Шумный день». По словам Зудиной:

«Самый большой успех у меня был, когда я сыграла в фильме «Валентин и Валентина». Меня заваливали письмами, причем море писем было из мест лишения свободы, заключенные писали: «Я вернусь и тебя найду!» (*Смеется.*) Я не могу сказать, что очень довольна этой своей работой. У меня тогда был роман, я понимала, что не могу быть вместе с любимым, и много плакала. Хотя любовь – это такое большое счастье, а не только слезы и переживания, а я вот рыдала. Но все равно фильм получился замечательный...

Кстати, в двух фильмах из семи вместе с Зудиной снимался и ее учитель Табаков. Это: «После дождичка в четверг» (1986; у него была роль Кощея Бессмертного, у нее – Милолики) и в «Путешествии мсье Перришона» (1987; там у них были главные роли: у Табакова – мсье Перришон, у Зудиной – Анриэтта).

Окончив ГИТИС в 1986 году, Зудина была взята Табаковым в свою театр-студию – в так называемую «Табакерку», которая появилась на свет в 1978 году на улице Чаплыгина. Естественно, там их роман благополучно продолжился. Правда, он несколько раз прерывался, но затем возобновлялся снова.

В разгар этих отношений – в январе 1988 года – Олег Табаков стал народным артистом СССР.

Со своим любовным треугольником Табаков окончательно разобрался лишь спустя 10 лет – в 1993 году он оставил свою прежнюю семью. Пойти на это стоило ему большого труда. Дело в том, что его самого в детстве оставил отец, поэтому Табаков прекрасно знал, каково это – пережить развод родителей. Жена и дети этого поступка ему не простили и прекратили с ним всяческое общение. И никак не комментировали это в прессе.

Зато сам Табаков в апреле 1994 года в одном из интервью рассказал следующее: «Несмотря на все мои грехи, романы, увлечения, я все равно возвращался в свое стойло. По сути дела, можно сказать, что ложь никогда не проходит бесследно. Она отравляет жизнь...

Долгое время мне казалось, что мы будем жить с женой долго и умрем в один день. Мне кажется, я помню все доброе, что было у нас. Жена сделала максимум для того, чтобы

я встал на ноги, когда у меня случился инфаркт (это произошло в начале 1965 года. – Ф. Р.), и многое другое... Но десять лет назад наши отношения испортились. В конфликтах наших, доходящих часто до предела, она сама нередко говорила: «Нам надо разойтись». Наверное, это надо было сделать лет десять назад. В этом моя вина перед ней.

Дело в том, что в какой-то момент мне показалось, что близкие не уважают то, что я делаю. Не уважают. Фамильярничают. Я взял в Америку своего трудно живущего племянника, чтобы он прожил там месяц, и из интроверта, может быть, стал бы другим человеком. Я это сделал потому, что считал нужным это сделать. А близкие мои были уверены, что это показуха. Я помогаю своему двоюродному брату. Они опять говорят – «показуха». Моим близким кажется, что вокруг меня одни холуи и подхалимы. И только одни они, то есть близкие, – носители истины обо мне, правдивого и трезвого взгляда. Но единственное, чего я не прощаю людям, – хамства в адрес моих занятий...

Я всегда воспитывал детей личным примером. Тем, как я жил. Что для меня было главным. Но мне однажды было сказано: «Ты же умрешь в одиночестве. И вообще, квартира...» Я не говорю, хорошо это или плохо. Это, может, и есть ответ на вопрос, какое место я занимал в жизни моих близких...»

А вот еще один отрывок из мартовского интервью 1995 года: «После того как я заплатил 120 тысяч долларов отступного моей бывшей супруге и купил двухкомнатную квартиру своей дочери, Александре Олеговне Табаковой, и та, и другая до сих пор прописаны в моем доме. Это не очень оригинальная история – чисто совковая. Был бы брачный контракт – и все тут же встало бы на свои места, а поскольку его нет, рождаются неадекватные притязания...

Два месяца назад мы помирились с сыном и пришли к согласию. Сегодня у нас нормальные отношения. Я рад тому, что он начал себя реализовывать. В своей первой профессии, актерской, он реализовал себя не полностью.

Оказавшись у него в дискотеке «Пилот» на дне рождения моего доброго знакомого Гарика Сукачева, я обнаружил, что огромному количеству людей мой сын приносит радость. Им там весело...»

Из интервью М. Зудиной: «Я не думала, что мы будем вместе. Но так вышло, так положили звезды. Мне даже астролог сказал, что то, что мы встретились, – это судьба. Однажды Олег мне просто сказал, что разводится с женой, и мы это не комментировали. Я не знаю, на сколько бы еще хватило моего терпения, не думаю, что на двадцать лет, но десять было естественным сроком. Хотя и ужасно много. Кто-то ждет год, два, но Олег Павлович нашел такую дурочку, которая ждала целых десять лет...

Единственный человек, которому я признавалась в любви, – это Табаков. Я не представляю, что когда-то способна буду так отчаянно любить. Я могу с полной уверенностью сказать, что никого так не любила и никто не будет меня так любить, как любит меня мой муж...»

Летом 1995 года у Табакова и Зудиной родился мальчик, которого назвали Павлом. В момент рождения сына отец находился рядом с женой и все время держал ее за руку. Свои ощущения от этого действия он объяснил впоследствии следующим образом: «Чувство полного отчаяния и невозможности помочь близкому человеку. Врагу такого не пожелаю».

И далее: «Сегодня самое сладкое для моей души – это то, как мы с сыном Антоном после рождения Павла сидели вместе и выпивали. Хотя Антону 36, а этому – 10 дней. Я горд был не знаю как! Как генерал Серпилин или как капитан Тушин, когда он отстоял батарею. Дети, внуки... Сны снятся про них. Это значит, что я возвращаюсь...»

Между тем после рождения ребенка отношения в «звездной» семье стали напряженнее. Вот как об этом вспоминает М. Зудина:

«У меня был тяжелый период, когда я родила ребенка, потому что всегда моей энергии и эмоционального запаса хватало на двоих, а после рождения и сил меньше стало, и я вдруг

поняла, что вся энергия перешла к ребенку. На этой почве у меня целый год была депрессия. Я настолько была поглощена ребенком, что муж отошел неизвестно на какой план...»

Но брак Табакова и Зудиной выдержал это испытание. Сама Марина признается:

«Я могу твердо сказать: «Я люблю Олега Табакова». И если бы я чувствовала себя только приложением к нему, я была бы закомплексованной, ушла бы в себя. Но я знаю об искренних чувствах ко мне любимого человека и мужа. И это меня успокаивает, дает ощущение стабильности...

Между тем командовать Олегом Павловичем невозможно. Он просто будет тихо молчать и переживать. По гороскопу он Лев, он не терпит явного диктата и, как правило, решает все сам. Конечно, я имею свой голос, он к нему прислушивается, для него мое мнение небезразлично. Но в чем-то категорическом последнее слово за ним. Тут надо учесть, что я во многом сформировалась Олегом Павловичем и на многие вещи смотрю его глазами. Поэтому мы в жизни на равных, и у нас никто не командует. Мы друг друга ценим...

По натуре Олег Павлович веселый и добрый человек. Особенно с утра, когда телефонные звонки еще не успевают испортить ему настроение. С восьми до десяти ему обычно звонят, и разговоры порой доводят его до кипения. Тут уж не до веселья. Он говорит мне: «Это надо сейчас же пережить, не трогай меня...»

Иногда мне бывает обидно, что Олег Павлович меня не ревнует. Или ревнует, но не показывает своей слабости. Правда, потом может кое о чем напомнить в шутливой форме. Видно, у него такой характер. Я более ревнивая, и это во мне заложено с рождения. Когда мы с ним еще не были женаты и просто встречались, мне подчас было трудно узнать, что с ним происходит и что он думает обо мне, о моих поступках, о моем поведении. И тогда моя мудрость как бы отступала на второй план, а эмоции, выходя на первый, демонстрировали ревность, чувство собственности...

Сын Олега Табакова Антон в личном плане «переплюнул» своего отца: был женат несколько раз. Впервые он женился в 19 лет на девушке по имени Евгения. Свадьба у них была шумная, веселая, однако один из гостей, Никита Михалков, неудачно пошутил, сказав: «Первый брак – учебно-тренировочный, так что переходим сразу ко второму». И молодые вскоре действительно развелись. Причем сама Евгения и ее мама были категорически против этого, но Антон поступил по-своему.

Потом Антон женился во второй раз. Девушку звали Ася, он знал ее давно. Но и этот брак оказался недолгим. Злые языки будут утверждать потом, что в роли «змея-искусителя» выступил друг детства Антона Михаил Ефремов, – дескать, это он соблазнил Асю, которая от него забеременела. Но правда такова, что это произошло уже после того, как Ася с Антоном разбежались. Хотя именно после этого дружба бывших приятелей сошла на нет.

Еще чуть позже на горизонте «звездного» отпрыска возникла 17-летняя студентка Школы-студии МХАТ Катя Семенова. Но с ней Антон расписываться не стал – предпочел жить в гражданском браке. Катя родила наконец Антону наследника – сына Никиту. Однако вскоре после рождения ребенка распалась и эта пара.

В 1993 году в жизни Антона появилась другая девушка, самая молодая из всех предыдущих – 16-летняя Настя Чухрай (дочь и внучка режиссеров Павла и Георгия Чухрай). Когда родители узнали, кто набивается к их дочери в женихи, они категорически запретили Насте встречаться с Табаковым-младшим. К тому времени в богемной среде про Антона Табакова уже давно ходила недобрая слава «бабника-террориста». Однако Настя проявила завидное упорство, и в конце концов согласие родителей на брак с любимым было получено. Вскоре у молодых родилась дочь.

В конце октября 2003 года нарушила свое долгое молчание бывшая супруга Табакова Людмила Крылова. Она дала большое интервью газете «Комсомольская правда», в котором сказала следующее:

«Я не люблю предательства. Предательство – это очень емкое слово. Оно подразумевает даже не измену, нет. Предательство – гораздо глубже. Я расстаюсь с предателями сразу, будь это подруги, мужья или еще кто-то... А со мной случилось то, что должно было случиться. От разводов никто не застрахован.

Единственное, что мне хотелось, это чтобы мой развод был более человеческий, потому что... Понимаете, одно дело, если б я одна была и в одиночку разводилась с ним, но ведь я должна была подумать о детях, которым, может быть, еще тяжелее...

Но все проходит, проходят и обиды. Простить? Все давно прощено. Но не забыто... Десять лет я живу без мужа... Ни о чем не жалею. Не страдаю от одиночества. У меня ничего не изменилось. Друзья остались со мной. У меня замечательные дети, внуки! Летом уезжаю в деревню. Люблю лес, грибы, природу... Я счастлива, что судьба подарила мне такую жизнь!»

К слову, дочь Табакова, Александра, до сих пор не может простить отца и совсем не общается с ним. Правда, ее дочь Полина регулярно приходит к нему в театр, советуется по различным вопросам.

В феврале 2004 года Олег Табаков дал большое интервью еженедельнику «Собеседник». Приведу из него лишь несколько отрывков, касающихся его личной жизни:

«Жадный ли я? До жизни – да. Называю это полнотой бытия. Материальной корысти у меня нет. Снимаюсь восемь дней у Иштвана Сабо в Голливуде и получаю гонорар, которого хватает для пополнения семейного бюджета года на полтора, а то и на два. Даже мое преподавание в Америке несоизмеримо по деньгам со съемками у западных режиссеров...

Моих физических кондиций хватает и на работу, и на жену, и на младшего сына. По утрам просыпаюсь по-прежнему рано, для восстановления сил нужно пять с половиной часов отдыха, не больше. Правда, в день трудного спектакля обязательно должен поспать часа полтора после обеда. Когда нет ничего срочного и экстраординарного, заваливаюсь на бок. Прямо в служебном кабинете, рядом с сортиром. Ольга Семеновна, помощница моя, строго оберегает мои покой и сон. Если удастся отдохнуть, это зримо сказывается на качестве актерской работы...

Раньше обновление амурных интересов происходило у меня регулярно и достаточно интенсивно. А потом как отрезало. Конечно, можно сделать некий дифференциал на преклонные годы: дескать, был конь, да уездили; но это все неправда. Двадцать лет назад, когда я встретил Марину, мне было сорок восемь лет, а это для настоящего мужчины не возраст. И сегодня не готов объяснять изменение в цикличности возникновения новых женских образов на моем горизонте только возрастными ограничениями. Дело не в этом. Видимо, после долгих поисков мне все же удалось найти человека, с которым хорошо, тепло, комфортно. Зачем же, спрашивается, в таком случае искать дальше? И в эмоциональном смысле чувствую себя прекрасно. Этому в немалой степени способствует Павлик, мой младший...

Мы с ним стараемся по утрам провести вместе хотя бы полчаса. Перед его уходом в школу. Но проблема времени, конечно, существует... Первым ребенком, которого я, что называется, ощутил по полной, была Полина – внучка, дочь дочери. По отношению к ней испытал, пожалуй, всю гамму родительских чувств, включая те, что не познал с Антоном и Александрой...

Что касается Павлика... Я понимаю, что не вечен, но стараюсь не заикливаться на таких мыслях. Слишком уж болезненная тема. Хотя, с другой стороны, как об этом не думать? Постоянно помню, что мне 68 лет, а сыну – восемь с половиной. Буду помогать ему, сколько смогу. А вот сколько именно... Генетика у меня вроде бы неплохая, но тут ведь загадывать глупо и бессмысленно. Жизнь нельзя выклянчить, она, на мой взгляд, до самого последнего вздоха должна быть как приз, как награда.

Очень хочется научить Павлика отвечать за себя. Отношусь к сыну серьезно, сужу его, наверное, даже слишком строго. Уже сейчас узнаю кое-какие свои черты. Оба встаем по утрам с хорошим настроением. Всегда! Вне зависимости от того, как закончился вечер накануне, светит ли за окном солнце или же льет дождь...

Несмотря на мою строгость, Павлик не обделен лаской и теплом. Стараюсь максимально много времени проводить с ним, поэтому и в поездки, и на гастроли всегда беру с собой...

В апреле 2006 году у Табакова и Зудиной родился второй ребенок – дочь Маша (назвали в честь матери Табакова). Спустя пять месяцев ее крестили в той же церкви, что десять лет назад Пашу Табакова, – Федора Стратилата. Крестными девочки стали близкие друзья семьи – Сергей Глинка и Лариса Новикова (она же в свое время крестила Пашу).

В 2012 году окончил школу сын Табакова и Зудиной Павел. И, естественно, продолжил учебу у отца – поступил в Московскую театральную школу Олега Табакова. Кстати, на профессиональной сцене Павел дебютировал в 15 лет в спектакле «Лунное чудовище» МХТ им. А. П. Чехова, которым руководит... опять же его родитель. Все, как в том старом анекдоте. Сын спрашивает отца-военного: «Папа, я буду капитаном?» «Будешь, сын», – отвечает отец. «А майором?» – «Будешь». – «А полковником?» – «Будешь». «Ну, а генералом?» – «А вот это, сынок, нет – у генералов есть свои дети».

За последнее время Павел Табаков уже снялся в четырех фильмах: «Звезда» (2014; Костя), «Счастье на ладони» (2015), «Счастье – это...» (2015; Виктор), «Орлеан» (2015).

Владимир Басов и Валентина Титова

Красавица и «чудовище»

Обладая не самой красивой внешностью, Владимир Басов умел производить на женщин неизгладимое впечатление. А все потому, что человеком он был очень общительным, с очень обаятельным характером, от которого буквально млели даже самые неприступные красавицы. Еще со школьных времен Басов пользовался расположением девочек. А когда в 1942 году ушел на фронт и войну закончил в чине капитана, да еще с орденом Красной Звезды на груди (Басов служил в должности заместителя начальника оперативного отдела 28#й отдельной артиллерийской дивизии прорыва резерва Главного командования), он мог жениться практически на любой девушке – мужчин после войны не хватало. Но он долгое время предпочитал жить с женщинами в гражданском браке, не утруждая себя походами в ЗАГС. И первый штамп в паспорте появился у него, только когда ему уже было ближе к тридцати. Да и то только потому, что женщина, в которую он влюбился, не хотела жить с ним неофициально. Речь идет об актрисе Розе Макагоновой (1927), которая была моложе Басова на три с половиной года. Их свела общая профессия – кинематография.

Басов и Макагонова познакомились во ВГИКе, куда поступили в 1947 году на курс Сергея Юткевича и Михаила Ромма. Встретаться начали не сразу, а спустя какое-то время. А поженились ближе к окончанию учебы – на третьем курсе. Жили в съемной квартирке в коммуналке и мечтали, что когда-нибудь заживут в отдельных хоромашках. Не довелось. Как не получилось у них и заиметь детей, так как Роза была больна туберкулезом (сказалось голодное военное детство в Куйбышеве).

ВГИК они окончили в 1951 году, причем Роза – с красным дипломом. К тому времени она уже успела мелькнуть в двух небольших ролях в фильмах «Сельская учительница» (1947, Машенька) и «Далеко от Москвы» (1950, Женя). Однако знаменитой ее сделал именно супруг, который с 1953 года стал снимать свою молодую жену в одном фильме за другим. А началось все с картины Басова (и его соавтора Мстислава Корчагина) «Школа мужества» по А. Гайдару. Спустя год Басов взял жену в свой (совместно с Латифом Файзиевым) следующий фильм – «Крушение эмирата», где Макагоновой досталась роль Настеньки. Вместе с Юноной Белоручевой (исполнила роль Жермен) они были единственными русскими актрисами в этом русско-узбекском фильме.

Но настоящая слава пришла к молодой актрисе в третьем фильме супруга – «Необыкновенное лето» (1957) по одноименному роману К. Федина, где у Макагоновой была главная роль – Аночка Парабукина. Причем фильм состоял из двух частей – «Первые радости» (1956) и «Необыкновенное лето», но Басов взял жену только во вторую часть. Почему? Дело в том, что в первой части героиня Макагоновой еще девочка-подросток (ее сыграла Лора Мурашева), поэтому появление Розы ни в какой другой роли было невозможно. Впрочем, Макагонову можно было снять в главной женской роли – Лизы Мешковой, но дорогу ей перебежала куда более звездная Татьяна Конюхова. Впрочем, обе актрисы оказались на своих местах и общей картины не испортили. Эти фильмы можно смело зачислить в актив лучших киноработ Владимира Басова.

Увы, но больше свою жену наш герой не снимал. Дело в том, что в 1957 году супруги приняли решение расстаться. Макагонова не имела возможности иметь детей, а Басову очень этого хотелось. И на семейном совете, без всяких скандалов, они приняли решение развестись. По другой версии, развод выглядел иначе. Якобы, когда Басов вышел за дверь, вслед ему полетела раскладушка, от которой он еле успел увернуться. Затем подобрал нужную в хозяйстве вещь и унес ее с собой – не пропадать же добру.

Достаточно быстро Басов подыскал себе новую жену, тоже красавицу – Наталью Фатееву (1934), которая приехала покорять Москву из Киева. Она родилась в Харькове и там же окончила театральный институт. Будучи студенткой, снялась в 1955–1956 годах сразу в двух фильмах: «Есть такой парень» (Киевская киностудия, роль – Таня Оленина) и «Капитан «Старой черепахи»» (Одесская киностудия, роль – Катя).

Вообще, в начале 50#х творческая судьба студентки Фатеевой складывалась неплохо. За отличную учебу она стала получать именную стипендию, ее (как одну из самых красивых и талантливых студенток) пригласили работать диктором на местное телевидение. Тогда же она в первый раз вышла замуж – за своего сокурсника Леонида Тарабарина, от брака с которым у нее родилась дочь. Однако семейная идиллия продлилась недолго – всего два года. После чего в семье разразился скандал, который вынудил Фатееву покинуть Харьков: оставив дочь на попечение своих родителей и мужа, она отправилась покорять Москву. Покорение удалось – она с первого же захода поступила во ВГИК (мастерская Сергея Герасимова и Тамары Макаровой). Но карьеру в кино решила делать не на Киностудии имени Горького, которая располагалась по соседству с вузом, а на «Мосфильме». Именно там и сошлись ее пути-дороги с Владимиром Басовым, который пригласил ее на главную роль (Алла Краева) в свою новую ленту «Случай на шахте восемь». Прямо на съемках этого фильма (а натурные эпизоды снимали в Инте (Печорский угольный бассейн), на месте поселения политических заключенных, которые во время Великой Отечественной войны копали там уголь, между Басовым и Фатеевой и случился роман. А когда они вернулись в Москву, режиссер сделал актрисе предложение руки и сердца. Фатеева предложение приняла, поскольку это, видимо, входило в ее планы стремительного покорения столицы.

Басов сразу предупредил молодую жену, что хочет от нее ребенка. Но Фатеева этого не хотела, поскольку, во#первых, у нее в Харькове уже рос один ребенок, во#вторых – новая беременность могла на какое-то время поставить крест на ее карьере, которая в Москве только-только начиналась. Но родить ей все-таки пришлось, хотя это была нежелательная беременность, которую она обнаружила поздней весной 1958 года. Из-за этого Фатеевой даже пришлось уступить главную роль в фильме собственного мужа («Жизнь прошла мимо») другой актрисе – Лилии Толмачевой, а самой сняться в эпизодике в роли жены морского офицера. Поскольку Басов, узнав об этой беременности, настоял на том, чтобы его возлюбленная ни в коем случае не делала аборт. В итоге 9 февраля 1959 года на свет появился мальчик, которого родители назвали... Владимиром, как и его отца.

Поскольку оба родителя в тот период были чрезмерно заняты работой, ребенка им пришлось «сплавить». Из комнатки в коммунальной квартире в высотке, где гостиница «Украина», куда новорожденного принесли из роддома, его вскоре отвезли в Харьков к родителям Фатеевой. В итоге Басов#младший какое-то время своими родителями считал Николая Демьяновича и Екатерину Васильевну Фатеевых. По большому счету они ими и являлись. По словам Владимира:

«У меня было замечательное детство. Я никогда не чувствовал себя обделенным, хотя маму видел урывками. Она приезжала в Харьков на день-два и тут же исчезала на полгода. Я, конечно, страдал, но недолго. Дед и бабушка меня очень любили и баловали. Дед был подполковником в отставке. Но на военную пенсию тогда можно было неплохо прожить. Да и бабушка не сидела дома, работала директором ателье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.